

Большие девочки не плачут

Автор:

Мария Жукова-Гладкова

Большие девочки не плачут

Мария Жукова-Гладкова

После разрыва с богатым любовником бывшая модель Катя осталась абсолютно одна – без денег, без привычной комфортной и удобной жизни. Кто же теперь будет содержать ее? По всему выходит, что надо срочно искать либо нового «папика», либо работу. А пока можно прокатиться на престижный горнолыжный курорт, который недавно открыл Катин бывший, и посмотреть, кто же приедет на конкурс на самый оригинальный поступок. Кстати, призом за победу объявлен миллион долларов. А там, где водятся такие большие деньги, должны быть и солидные мужчины, способные зарабатывать и тратить кругленькие суммы. Одного только Катя никак не могла себе представить: почти каждый день вместо крутых олигархов ей придется сталкиваться с очередным «жмуриком». Трупы сыплются на Катю как из рога изобилия, и ей самой нужно серьезно опасаться за свое будущее. Похоже, кто-то явно переборщил с оригинальностью.

Мария Жукова-Гладкова

Большие девочки не плачут

Автор предупреждает, что все герои этого произведения являются вымышленными, а любое сходство с реальными лицами и событиями случайно.

Глава 1

Я потратила на него три года. Три года своей молодой жизни! И что получила взамен? Какую-то однокомнатную квартиру в «брежневке»! А он сам-то живет в трехэтажном замке в Комарово и еще имеет пятикомнатную квартиру неподалеку от Таврического сада. Машину, правда, он мне тоже оставил. Но у него-то самого их четыре, и какие! А мебель, обтянутая китайским шелком? А антиквариат? А картины? Я в них, правда, ничего не смыслю, но это другой вопрос. Мне же он обставил квартирку какой-то современной дрянью из ДСП. Вернее, не он сам, а кто-то из его многочисленных сотрудников. Кошмар!

Но «у них» принято менять жен (или любовниц, на мне он так и не женился) раз в три года. Некоторых просто вышвыривают на улицу или отправляют к маме. Мой-то все-таки на квартирку расщедрился. С линолеумом вместо наборного паркета! Платья мне мои все отдал, туфли, сапоги, шубу, кольца отдал, серьги отдал, только кольцо себе оставил. Гад!

Мама и бабушка с детства внушали мне, что главное для девушки – удачно выйти замуж. Если удачно вышла, считай, что жизнь удалась. Мне приводили примеры из жизни обитателей нашего городка. Я соглашалась с мамой и бабушкой. Насколько я понимала, они были готовы кормить моего потенциального мужа с ложечки и поддерживать во всех начинаниях. Когда в моей жизни появился Владимир Станиславович, они были готовы на него молиться. Но он на мне не женился. При каждом телефонном разговоре и в каждом письме они спрашивали, когда же это наконец произойдет. Не произошло никогда.

И что я теперь буду делать? Опять в модельное агентство идти? Так мне уже двадцать четыре! Там девчонки по восемнадцать и даже шестнадцать в очередь выстраиваются. Нет, я, конечно, прекрасно выгляжу с регулярными массажами, косметическими процедурами, ваннами и... Так, а кто мне будет оплачивать фитнес-центр и спа-центр? А салон красоты? Как я буду без всего этого жить?!

Лерка в прошлом году выбросилась из окна – после того, как получила отставку. Анька умерла от передозировки – сама вкатилась себе смертельную дозу. Тоже после отставки. Ольга застрелилась перед офисом бывшего благоверного. Вот молодец! Мой тогда дружку сильно сочувствовал. Ольга-то разослала письма во все СМИ – кого-то пригласила на «шоу» (правда, не объясняя, чего ждать), кому-то представила подробные объяснения своего поступка. Ее бывшего, конечно, не посадили за доведение до самоубийства – откупился. Но денег пришлось ему

потратить немало... Так ему и надо! Так им всем надо!

Может, поэтому мой и расщедрился на квартирку? Побоялся меня с голой задницей на улицу вышвыривать? А вдруг выкину что-то новенькое, что еще никто не выкидывал? Если вопросы возникнут – вон он какой щедрый. Квартиру купил и обставил, машину оставил, все барахло с побрякушками тоже. Без коле, правда. Подстраховался на случай моего самоубийства. Если что-то с собой сделаю, значит, сама психованная, а он – белый и пушистый. А на самом деле черный и волосатый.

Только фиг он дождетя моего самоубийства! Я себя слишком люблю, чтобы убивать.

Но надо что-то делать. Надо на что-то жить.

В идеале, конечно, найти спонсора. Но я, дура, не могу с любым, как многие мои бывшие коллеги по модельному бизнесу. Мне, дуре, любовь нужна или хотя бы симпатия. Я ведь Владимира Станиславовича на самом деле любила. По крайней мере, первый год. Потом была привязанность, благодарность... Он в некотором роде заменил мне отца, которого у меня не было. Ни мама, ни бабушка не смогли удачно выйти замуж. Мама вообще родила меня от заезжего командированного.

Все его друзья заняты. Это, конечно, относительно, но тем не менее. Мы с моим на одной вечеринке познакомились, после того, как я стиральные машины рекламировала. Разные позы завлекательные на стиральной машине принимала. Моему очень понравилось. Мы потом в его замке и в квартире это дело практиковали. Он специально для занятий любовью со мной по три стиральные машины и там, и там поставил. Говорил, что они его возбуждают. Придурок.

Значит, все-таки снова надо подаваться в модельный бизнес...

А кем я еще могу работать?

Ой, я, наверное, больна. Я раньше никогда в жизни не думала про «работать».

Нет, я не больна. Я брошена. И мне нужно искать средства к существованию, причем срочно.

То есть или мужчина, или работа. Мужчина в любой момент может бросить, причем независимо от наличия или отсутствия штампа в паспорте. А если мне попробовать сделать карьеру?

При расставании Владимир Станиславович сказал, что беспокоится обо мне и о моем будущем. Я, видите ли, закисну дома! Когда закисать-то? Массаж, маникюр, фитнес-центр, спа-центр, сопровождение того же Владимира Станиславовича на различные мероприятия, организация вечеринок у него дома. Как минимум раз в неделю я что-то организовывала!

Он сказал, что у меня прекрасные организаторские способности. Мне, по его мнению, следовало поискать работу администратора (в любой сфере деятельности) или податься в какую-нибудь фирму, занимающуюся организацией вечеринок и праздников. Владимир Станиславович говорил, что расстанется со мной ради меня, ради моего блага. Я должна изменить свою жизнь. Я, видите ли, еще «не попала в быюти-зависимость» (цитата из моего бывшего), так что у меня неплохие шансы устроиться в жизни без спонсора.

Не нужно мне такое беспокойство!

Пойти в актрисы? В семейной жизни из меня актриса получалась хорошая, но вот хватит ли этого для сериала? Или для драматического театра? Нет, драматический театр отменяется. Там мало платят. Сходить на какой-нибудь кастинг в какую-нибудь студию? А где находятся эти студии? И когда будут кастинги? Выяснить, конечно, можно...

Какие у меня еще варианты?

Какие у меня на самом деле есть варианты?

Я посмотрела на бутылку коньяка, которая оказалась в этой однокомнатной квартире. Осталось на донышке. Я все выпила? Боже, я даже не заметила как. Я раньше никогда не пила одна.

За стеной у соседей орал телевизор. Шла какая-то криминальная хроника. Сверху ругались пьяными голосами. Я забыла за три года, что бывает такая слышимость. Я забыла, что так кто-то живет...

А может, посмотреть телевизор? Я не помню, когда его смотрела в последний раз. Некогда было. Фитнес-центр, спа-центр, салон красоты, вечером – тусовки с милым... Или просто вечер при свечах... Милый смотрел только европейский футбол, правда, непатриотично болел за «Ливерпуль», а не за «Челси». И вы даже не догадаетесь, почему он болел за эту английскую команду. Оказалось – потому что «Битлз» тоже из Ливерпуля, а в юные годы он был большим поклонником «Битлз» – то есть в те годы, когда у нас еще никто не смотрел европейский футбол и спутниковые тарелки не росли на домах, как грибок. Вот такая весьма своеобразная причинно-следственная связь.

Телевизор в квартире имелся. Средних размеров, без плоского экрана... А если не цветной? Они еще остались?

Я его включила. Слава богу, цветной, хотя цвета паршивые... Ах да, тут же нет цифрового сигнала. У моего же и в замке, и в квартире спутниковые тарелки. В этой квартире даже кабельного телевидения не было! Начиналась реклама.

Трое олигархов, как выяснилось, учредили премию «за оригинальность». Предлагалось совершить самый неожиданный поступок, сделать что-то нестандартное, что удивит олигархов, которых не удивляет уже ничто. Они просто умоляли развеять их скуку – или это я так восприняла. Давался двухмесячный срок, чтобы подумать. Потом будет финал – на новом горнолыжном курорте, еще не освоенном нашими гражданами. Оригинальничать предлагалось там, а пока присылать заявки. Можно было соригинальничать и до выезда туда. Но на курорте гарантировалось присутствие представителей телевидения, нескольких газет и журналов. Ведь оригинальность надо заснять! Кто же поверит на слово? Приглашали всех – в смысле, людей самого разного достатка. Показывали гостиницы и шале. Тех, кто пришлет письма с самыми оригинальными предложениями, обещали отвезти на место бесплатно. Зрителей, любящих оригинальность, приглашали в любых количествах. Среди спонсоров прозвучала фамилия моего благоверного. То есть моего бывшего.

Премия была назначена в размере одного миллиона долларов. И еще какие-то утешительные призы.

Я замерла с бутылкой коньяка в руке. То есть бутылкой уже без коньяка.

Реклама вскоре закончилась, началась программа, в которой обсуждалось только что прозвучавшее предложение. Обсуждение шло в студии, но показывались и кадры уличной съемки, где гражданам задавали вопросы. Конечно, нашелся пенсионер-коммунист, поругавший «зажравшихся олигархов», но большинство граждан, слышавших про объявленный конкурс, загорелись идеей заработать миллион долларов. А уж как наш народ любит оригинальничать...

Я с удивлением увидела одну свою бывшую коллегу по подиуму. Она заявила, что пишет роман «в оригинальном жанре». Интересно, что она имела под этим в виду? И ведь сейчас уже столько писательниц. Это уже неоригинально. Ни в каком жанре.

Я посмотрела в пустую бутылку, выдохнула и выключила телевизор.

Я поняла, что должна что-то сделать.

Конечно, я не собиралась писать никаких романов – ни в каком жанре. В школе я постоянно конфликтовала с учительницей русского языка и литературы. Кстати, из-за моего, как она выражалась, «оригинального подхода к классике». Но он не был оригинальным, он был современным. Я помню свое сочинение по «Руслану и Людмиле». Ведь Руслан – голодранец, а Черномор – совсем другое дело. Мудрый, солидный, обеспеченный. Современная девушка выбрала бы Черномора, что я аргументированно доказывала. Владимир Станиславович как раз больше на него походил, а не на Руслана. Как правило, мне за мои опусы ставили тройку. Иногда даже без минуса.

Но ведь тогда мне никто не обещал миллион долларов? И школьное сочинение – это одно дело, а текст, который будут читать олигархи, – совсем другое.

Я представила лица своих учителей... Потом представила физиономию бывшего...

Только ради выражений их лиц стоило попробовать. Но только не роман. Надо что-то выкинуть... Что-то на самом деле оригинальное.

Мне страшно хотелось щелкнуть их всех по носу. В особенности Владимира Станиславовича.

Глава 2

Я подошла к окну и приложилась лбом к холодному стеклу. Вначале я стояла с закрытыми глазами, потом посмотрела вниз со своего восьмого этажа. Окно выходило на дорожку (одновременно для пешеходов и машин), проходившую перед пятиэтажной «хрущобой». Наш квартал состоял из трех девятиэтажных домов, отделявших двор от проезжей части, во дворе стояли «хрущобы» и один из супермаркетов сети экономического класса. Я в эту сеть раньше носа не совала. Теперь придется. Или не придется? Надо думать... Надо искать высокооплачиваемую работу.

По дорожке проехал «Форд» и встал в небольшой карманчик для автомашин напротив окон «хрущобы». Он там каждую ночь ночует. Я с большим удивлением узнала, что в этом совсем непрестижном доме живет Лариса Румянцева, главный редактор толстого глянцевого журнала «Очаровательная сплетница». Я сама его читаю. Бывший читал только «Футбол».

Я не ожидала, что эта холеная дама проживает в таком доме. Она всегда дорого одета, очень следит за собой, присутствует на всех тусовках. Но это естественно – она же должна собирать сплетни! Правда, я слышала, что многие представители шоу-бизнеса и политики сами приглашают Ларису – чтобы засветиться в ее популярном журнале, который читают все их знакомые, зрители, слушатели и электорат. Я никогда не общалась с Ларисой лично, хотя визуально знала ее прекрасно. Не уверена, что она знала меня. Ларису часто обсуждали в тех кругах, где я вращалась – и в период модельной карьеры, и в период проживания с теперь бросившим меня олигархом. Из этих обсуждений я смогла сделать вывод: она – бизнес-леди. То есть это деловая дама, с которой можно договориться, но которая никого не пускает к себе в душу. Она слыла очень сдержанной дамой, и я видела, как она сорвалась, всего один раз. Она дала пощечину моему бывшему. То есть мы тогда с ним даже еще не встречались. Когда начали, я не решилась спросить, за что он получил от Ларисы по физиономии. Наверное, ему было бы неприятно об этом вспоминать.

Ее личная жизнь в моем бывшем окружении никого не интересовала – Лариса никогда не претендовала ни на чьих мужиков. Ее вообще не видели в сопровождении мужчин, как, впрочем, и женщин. Она всегда приезжала на все

мероприятия в одиночестве. И уезжала в одиночестве.

Если она живет в этой хрущевке, значит, мужика у нее нет. Навряд ли эта дама держит какого-нибудь безработного алкаша из жалости. Да и молодого альфонса она навряд ли содержит. С другой стороны...

Я даже примерно не представляла, сколько зарабатывает главный редактор глянцевого журнала. Вполне возможно, что на приличную квартиру в элитном доме ей не хватает. А не в элитном не хочет. Или копит. Я еще раз убедилась, что в этой жизни без богатого мужика никак. Ну как еще женщине заработать на квартиру? Если уж эта Лариса не может, то мне-то что делать?

Ах да, мне же только что с экрана телевизора предложили миллион. Правда, чтобы его получить, нужно изрядно потрудиться. И мне еще нужно выехать на этот курорт! Я реально оценивала свои возможности. Я не попаду в число тех счастливиц, которые придумают что-то настолько оригинальное, что их отвезут бесплатно. Тем более если претендентов будет отбирать мой бывший... А он явно просмотрит все списки. Меня он вычеркнет. То есть нужно как-то попадать на курорт самой. Ведь там будут богатые мужики! А мне срочно нужен новый. Денег надолго не хватит.

Денег на горнолыжный курорт у меня и теперь не было. Но Ларисин «Форд» и сама Лариса, которая из него вышла, навели меня на мысль...

Я оделась, причесалась, легко накрутилась – и отправилась в гости без приглашения.

* * *

Для начала следовало выяснить, в какой квартире проживает госпожа Румянцева. Я знала подъезд, но в этой «хрущобе» по четыре квартиры на площадке! И пять этажей. То есть на выбор двадцать квартир.

Уже наступил вечер, и никаких бабушек или молодых мамаш с детьми поблизости не наблюдалось. Я встала напротив подъезда и стала рассматривать горящие окна. Мне повезло: Ларисин силуэт мелькнул на последнем, пятом этаже. Я направилась в подъезд, не защищенный ни домофоном, ни кодовым

замком. Хотя район-то, прости господи...

Я позвонила в звонок (самый обычный, без каких-либо трелей), а на вопрос «Кто?» честно ответила, что бывшая модель Катя Левченко. Я всем представляюсь Катей, потому что ненавижу данное мамочкой имя (Клеопатра). Мама звала меня Клепой. Клеопатра Ивановна Левченко – это, по-моему, кошмар. Но мама почему-то считала, что имя Клеопатра будет привлекать мужчин, а она, как уже говорилось выше, очень хотела, чтобы я удачно вышла замуж. Хотя если вспомнить судьбу самой Клеопатры... В модельном агентстве, где я успела потрудиться, использовали мое настоящее имя. Там оно, так сказать, пришлось ко двору. Не нужно было ничего придумывать, когда меня «засвечивали». Владимир Станиславович звал Катей. Или Катенькой.

Лариса дверь открыла. Она была уже в домашнем халате и без макияжа. И даже без макияжа выглядела отлично! Интересно, сколько ей лет? За тридцать точно. Но вот сильно за тридцать или?..

Додумать мысль я не успела.

– Если ты пришла говорить о Вовке, то я ни на него самого, ни на его имущество не претендую и никогда не претендовала. Он это прекрасно знает и...

– Вы о каком Вовке говорите? – пораженно посмотрела я на Румянцеву.

– О Сиром, конечно. Ты же его последняя подруга. Года три живете, если не ошибаюсь?

– Он меня выгнал, – на автомате ответила я, потом очнулась. – А...

Теперь на меня удивленно смотрела Лариса.

– Проходи, – сказала она, явно приняв какое-то решение.

К этому времени в коридор вышли дед на костылях (левая нога была отрезана чуть выше колена), парень лет четырнадцати и девочка лет девяти.

– Это ко мне, – сказала им Лариса. – Идите спать.

– Мам, а сочинение? – спросил подросток.

– Мам, а почитать мне перед сном? – спросила девочка.

– Лара, ты опять не выспишься! – воскликнул дед.

И тут Румянцева показала себя командиром этого небольшого отряда (или ячейки общества?).

– Папа, почитай Ане сказку. Леша, надо самому учиться писать! Я не могу вечно писать за тебя сочинения. За меня никто не писал.

– Это точно, – подтвердил дед.

– Пошли на кухню, – бросила мне Лариса. – Мне обед на завтра нужно готовить. Так, я вам все сказала! Аня, спокойной ночи, Леша, иди делать уроки, папа, ты видишь, что ко мне пришли?

– А вы кто? – спросил мальчик. Со мной никто не удосужился поздороваться.

– Последняя любовь твоего папы, – сказала Лариса.

– Драться будете? – спросил дед.

Я открыла рот.

– Вначале поговорим – если вы не будете нам мешать! А ну марш по своим комнатам!

Лариса увлекла меня в кухню, не забыв плотно закрыть дверь. Там я уставилась на хозяйку с открытым ртом.

– Рот закрой и рассказывай, зачем тебя ко мне принесло, – заявила Лариса, рубившая капусту на ленивые голубцы. На плите стоял борщ и очень ароматно пахнул. – Есть хочешь? – тут же поняла Лариса. – На вечной диете?

Я покачала головой и сказала, что на диете мне никогда сидеть не требовалось, а голодная я по другой причине – переживаю расставание с Владимиром Станиславовичем и раздумываю о своей дальнейшей судьбе.

– А ну дыхни, – велела Лариса.

– Бутылка коньяка в одиночестве, – призналась я.

Лариса хмыкнула, сказала, что борщ будет через полчаса, но я могу доесть щи, которые днем не доели ее родственники. Осталось как раз на одну тарелку. Я с удовольствием навернула щи.

– Ну так чего ты хочешь? – спросила Лариса, когда я покончила со щами.

– Или замуж, или высокооплачиваемую работу, – честно ответила я.

– Так, а еще?

– Просто денег. А Владимир Станиславович в самом деле...

– Да, это мой бывший муж и отец Лешки. Я, признаться, думала, что он на тебе женится. А увидев тебя на пороге, решила, что ты пришла прояснить ситуацию. Хотела услышать, как обстоят дела, из моих уст.

– Это меня уже не касается... И я бы не пришла. И я даже не знала, что Владимир Станиславович был женат и у него есть сын. Он мне говорил, что я у него вместо дочери.

– Но тогда почему тебя принесло ко мне?!

– Вы поедете на рекламируемый по телевизору курорт? Тот, где миллион долларов предлагают?

– Планирую, – кивнула Лариса. – Там соберутся чуть ли не все герои моих статей и фоторепортажей. Ты же читаешь мой журнал?

– Возьмите меня с собой. Пожалуйста, – добавила я.

– В какой роли?

– Ну, например, корреспондента. Фотографировать я тоже умею. И со многими знакома. Помогу вам собирать информацию. И никто не будет знать, что я работаю на вас.

Лариса от удивления отложила в сторону нож.

– Если ты пришла наниматься ко мне на работу, то почему домой, а не в редакцию?

Я пояснила, где теперь проживаю, и рассказала, как несколько раз видела Ларису. Сегодня, увидев рекламу по телевизору, я в задумчивости стояла у окна, заметила «Форд» – и решила отправиться в гости. Подобные мои порывы в прошлом всегда приводили к успеху.

– Что ты конкретно хочешь от меня? – уточнила Лариса.

Я честно сказала, что денег на поездку у меня нет и мне нужно, чтобы ее кто-то оплатил. Я в свою очередь могу работать на Ларису, отдать потом из «спонсорских» (поскольку рассчитываю на этом курорте кого-то найти) или отдать из миллиона, который рассчитываю получить.

– Ты что, совсем ненормальная? – Лариса забыла про капусту и подперла щеку рукой.

– Почему вы так решили? – удивилась я. – Все всегда меня считали очень здравомыслящей и практичной. Вот только с мужчинами у меня не получается быть практичной. Я влюбляюсь... Я в самом деле любила вашего мужа! А он мне купил только однокомнатную «брежневку»! С тараканами!

– Другим бабам он ни одного таракана не купил, – заметила Лариса. – Выгонял с голым задом.

– А вам? – любопытствовала я.

– А я сама ушла. Но тогда с него еще брать было нечего. То есть, конечно, и квартирka родительская была, и сарай на шести сотках, опять же родительский, но у меня было то же самое. И унаследованное от родителей при разводе не делится. В общем, я взяла Лешку и отбыла. О чем ни разу не пожалела.

– Я могу спросить о причине развода?

– Бабы, – как само собой разумеющееся ответила Лариса. – Мне после родов было не до Вовки. Плюс последний курс института. В общем, в некотором роде сама виновата. Упустила мужика. Но в конце концов все сложилось удачно, – улыбнулась Лариса. – Я сделала карьеру. Я независима и могу послать Вовку далеко и надолго, что и делаю. Это лучше, чем быть чьей-то женой. В любой момент ведь могут выставить вон. Так что давай, Катя, устраивайся на работу и делай карьеру, чтобы быть независимой от мужиков. Это важнее, чем удачно выйти замуж. И это мой тебе добрый и бесплатный совет.

– Так возьмите меня!

– Чтобы ты за мой счет ехала искать мужика?

– А может, я не буду искать мужика? Давайте мы с вами придумаем что-то оригинальное, а потом разделим миллион напополам? А на крайний случай там же еще утешительные призы есть. Тысяч по сто хотя бы дадут? Или по пятьдесят? Вам они что, лишние будут?

Лариса тяжело вздохнула.

– Деточка, ты знаешь, зачем устраиваются подобные конкурсы и назначаются премии?

– Владимир Станиславович с друзьями хочет поразвлечься.

– Идиотка! – в сердцах воскликнула Лариса. – Деньги так отмывают! Премиями, съемками фильмов за рубежом, гастролями.

– Но ведь что-то же достается...

– Все давно распределено!

– И кому?

– Этого не знаю. Об этом заранее не объявляют, – Лариса усмехнулась. – Но не сомневайся: три олигарха уже решили, как будут отмываться денежки. Меня это, кстати, нисколько не волнует. Я туда поеду фиксировать, как народ оригинальничает.

– Но если кто-то выкинет что-то на самом деле оригинальное? Что произведет впечатление на всех? Или олигархи уже и номер придумали?

– Да, наверное, что-то заготовлено. И ты же слышала, что есть договоренность с телевизионщиками, представителями массы газет и журналов. То есть представители СМИ получают фактуру – и поэтому едут на курорт.

– За чей счет? – поинтересовалась я.

– Мне пришло именное приглашение. Как другим – не знаю. Вероятно, кому-то все оплачивают, кто-то за свой счет едет. И тут тоже, скорее всего, имеются какие-то договоренности. Например, реклама Вовкиной строительной компании. То есть он – вояж на курорт, ему – бесплатную рекламу. Фирмы и его лично, что в принципе одно и то же. Фамилия-то у него запоминающаяся.

Лариса хмыкнула. Я вспомнила, как думала, что фамилия Сирый – это единственное, что мне не нравится в бывшем. Я прикидывала ее на себя – и мне очень не хотелось становиться Сирой (как, впрочем, и убогой). Оказалось, что и Ларисе не хотелось, она оставила свою фамилию, а потом настояла на том, чтобы и ребенку ее дать.

– А дочь? – спросила я.

– Чудова. Про рок-музыканта Виктора Чудова слышала?

Я опять открыла от удивления рот.

– С ним мы женаты не были, – продолжала Лариса. – Надо быть полной дурой, чтобы выйти за музыканта или певца. Хотя он – прекрасный отец. Регулярно куда-то вывозит обоих моих детей. От Вовки-то не дождешься.

– Но...

– Пьет. Запойный. Как, впрочем, и все талантливые люди.

– Но почему он не купит вам квартиру?!

– Да Витька не знает, куда у него деньги уходят! Он бы купил, но не накопить! Он как гонорар получит, сразу же куча друзей набегает. Он всех кормит и поит, пока деньги не закончатся. Заканчиваются, трезвеет – и начинает творить.

– А как вы с ним познакомились? – полюбопытствовала я.

– Он мне под колеса машины пьяный свалился. Я испугалась, что человека задавила. Не поняла в первый момент, что он в стельку пьян. Подобрала, привезла домой... Потом выставила. Стала заниматься только карьерой, потому что двоих детей мне за глаза и за уши хватает. И еще папа-инвалид, как ты сама видела. Из дома он не выходит – пятый этаж без лифта. Но хоть детей после школы встречает и обедом кормит. И иногда уроки проверяет.

Слушая рассказ о жизни Ларисы, я только качала головой. Видя ее на светских мероприятиях, я и подумать не могла, какую жизнь она ведет. То есть она фактически ведет две жизни – редактора глянцевого журнала и главы семьи, которую тащит на себе.

– В общем, так, Катя, – подвела итог нашей вечерней встречи Лариса. – Я все-таки могу тебе предложить работу, для начала – внештатного корреспондента. Может, мне это потом зачтется? – Лариса подняла глаза к потолку. – Ты на самом деле многих знаешь в светской тусовке, твое лицо засвечено. Приглашениями на различные мероприятия я тебя обеспечу. С тобой многие согласятся поговорить. Посмотрим, что напишешь. А там видно будет.

– Но...

– Никаких «но». Или так, или никак. Оставь телефоны, когда мне будет куда тебя послать, я позвоню.

Что мне оставалось делать? Оставила. Хотя бы в надежде, что на первой же презентации встречу нового мужчину. Или хотя бы на второй. Где мне еще их встречать? То есть я рассматривала эту работу как единственную для себя в это время возможность удачно выйти замуж. А может, в процессе общения мне еще кто-то какое-то занятие предложит? Высокооплачиваемое?

Глава 3

Лариса на самом деле обеспечила меня работой. Я очень старалась. Я слушала все замечания пожилой дамы-редактора, которая нещадно черкала мои статьи, правда, признавалась, что ей нравится содержание. Не нравилось то, как я его излагала... Лариса тоже меня постоянно ругала, но потом снова отправляла на какую-нибудь тусовку. И я опять раз по пятьдесят переписывала текст.

Чаще всего мне было некогда присматривать нового мужчину. Я собирала материал для статьи. К тому времени, как я решала, что можно и личной жизнью заняться, все свободные мужчины уже прекращали быть свободными. Пару раз пересеклись с Владимиром Станиславовичем.

– Ты с кем? – спросил он при первой встрече, которая состоялась на открытии выставки поделок из глины, которыми, оказывается, увлекаются некоторые известные граждане нашего города. Но выставались и малоизвестные, и их работы мне понравились больше всего.

– Одна, – ответила я.

– И что ты здесь делаешь?

– Работаю, – ответила я. – Извини, мне некогда. Мне нужно сделать побольше фотографий.

Я несколько раз ловила на себе взгляд бывшего, но мне на самом деле было не до него! Я разговаривала с авторами работ, и мне даже подарили одного смешного глиняного медвежонка.

Моя работа нравилась мне все больше и больше, если не считать многократных переписываний. Я была занята делом, а не лежала на массажном столе, не сидела в кедровой бочке или кресле парикмахера. Только денег было мало. Я привыкла к другим.

Во второй раз мы с бывшим встретились на показе шуб. Владимир Станиславович был с длинноногой красоткой, явно из модельных кругов. Но я ее не знала. Бывший подошел ко мне (без красоты), поцеловал в щечку и сказал:

– Ты молодец, Катя. Признаюсь, не ожидал, что у тебя все получится так быстро.

«Что получится? Что у меня получилось?! Я за копейки бегаю по всяким презентациям, я переписываю текст по сто раз! Нет, уже только по двадцать, но сути это не меняет».

– Но согласишься, я был прав, – невозмутимо продолжал Владимир Станиславович. – Если бы я не отправил тебя в свободное плавание, ты никогда не пошла бы работать. Ведь хорошо же чувствовать себя независимой, правда? Ты сама зарабатываешь деньги. Что тебе подарить на Новый год?

– Тур на новый курорт, где ты устраиваешь конкурс оригинальности.

– Зачем тебе туда?! – Владимир Станиславович изменился в лице.

– Да чтобы фактуру собрать для журнала, на который я теперь работаю! Народ хочет читать про соотечественников на горнолыжном курорте – про то, кто как выпендривался, злорадствовать, если кто-то сломал шею или попал в кутузку. Ты сам знаешь, как наш народ после появления рассказов о Куршевеле писал кипятком. А тут курорт для среднего класса, на который еще есть шанс попасть бесплатно – если я тебя правильно поняла. Или в рекламе, как обычно, все наврали?

– Нет, но все места уже заняты. Теперь только на другой заезд, не новогодний, – пояснил Владимир Станиславович. – Еще дешевле будет.

– Вот я и хочу написать о тех, кто в прошлые годы завидовал, а в этом смог поехать. И теперь им будут завидовать в их городах, а они – куражиться. Ты же не просто так ориентировал курорт на средний класс? Ты же явно все просчитал. На одних олигархах не выехать. И олигархи могут к тебе вообще не поехать.

– Да, просчитал. Узнал про ночные клубы со строгим разделением людей с разным уровнем доходов, но фактически одинаковыми развлечениями. То есть разный фейсконтроль, а так все то же самое. И люди знают, что то же самое, и злорадствуют, что «буржуи» за то же самое платят больше. А «буржуи» платят втридорога за престиж и за то, чтобы рядом не было «пролетариев». Но ты уверена, Катя, что хочешь именно на этот курорт?

– Да, уверена. Журнал меня не отправит, за свой счет я поехать не могу. Если тебе так хочется мне что-нибудь подарить, то подари мне эту поездку. Или не дари ничего. На следующий год сама заработаю! – смело объявила я.

Бывший как-то странно посмотрел на меня и отошел в сторону, не прощаясь.

Через три дня я получила авиабилет и ваучер на проживание в трехзвездочной гостинице с завтраком. Все лежало в конверте, который мне на домашний адрес принес курьер. Имя отправителя не указывалось. Денег на карманные расходы не прилагалось. Правда, за последнее время я сама немного подзаработала, но я даже не представляла, сколько у меня будет уходить на оплату квартиры, телефона, Интернета и питание. И я еще не покупала ничего из одежды и обуви! Ведь бывший отдал мне все мои вещи (кроме колье), которые и занимали сейчас большую часть квартиры. Я не ходила в финтес-центр, спа-центр и салон красоты. Я тратила все на еду и квартиру. На карманные расходы на курорте денег не оставалось.

Я пошла к Ларисе – на этот раз в кабинет главного редактора, показала авиабилет и ваучер. Мне предстояло вылетать через пять дней.

– Я лечу тем же рейсом, – сказала Румянцева. – И буду жить в той же гостинице. Интересно, почему Вовка выбрал ее для тебя?

– А для вас ее кто выбирал? – Я помнила, что Румянцева получила приглашение.

– Я сама. Мне прислали несколько проспектов на выбор. Я выбрала самый дешевый отель. В случае получения подобных приглашений я всегда выбираю самый дешевый вариант из возможных. Мало ли, потом заставят рассчитываться. Пятизвездочный отель я не потяну, как, впрочем, и шале.

– Рассчитываться?! – переспросила я.

Лариса неопределенно передернула плечами.

– Но вы же говорили...

– Катя, бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Чем раньше это запомнишь, тем легче жить. Хотя если это Вовка... Может, он чувствует себя виноватым перед тобой? Так, от меня что ты хочешь? – Лариса опять вела себя как бизнес-леди.

Я честно сказала, что денег на карманные расходы у меня нет, а оплачен только завтрак. Я предлагала свои услуги внештатного корреспондента. Оплату просила в валюте.

Лариса усмехнулась.

– Ты права. Мне потребуется помощница. Двадцать евро в день. На ужин хватит. Ты же говорила, что ешь два раза? Ну а если захочешь три... Или передумала искать мужа?

Я не знала, что ответить. Мне в последнее время было на самом деле некогда заниматься устройством личной жизни! Да и предложений не поступало.

Но я возлагала большие надежды на предстоящие две недели в горах. Я же не на лыжах туда ехала кататься. У меня их даже не было.

– Катя, мужа на курорте найти сложно, любовника – легко, – серьезно сказала Лариса. – Можно встретить богатых мужиков из Сибири или с Севера. Ты хочешь замуж в Сибирь или на Север? К тому же все они, как правило, уже много лет

женаты. Хотя кое-кто из них очень не против иметь постоянную женщину в Москве или Петербурге, куда они периодически наведываются. Так почему бы не наведываться в теплую постель?

– А кого еще можно встретить?

– Неужели Вовка тебя на курорты не возил?

– Только на пляжные. И, если честно, я по сторонам не смотрела. Я люблю море, солнце, развлечения на воде. И я там не искала мужа! Я отдыхала и наслаждалась.

– На горнолыжных курортах больше выпендрежа, больше пьют, соответственно больше драк и выяснений отношений. Одиноких женщин больше на пляжных курортах – если мужика не найдут, так хоть насладятся морем и солнцем. Похотливые мужики есть везде, как, впрочем, дорогие и не очень шлюхи. На горнолыжных больше бросаются в глаза педики, какие-то странные режиссеры, художники и прочие творческие личности непонятного рода занятий. Но они тебя не интересуют, как я понимаю?

Я покачала головой. Я не стала спрашивать у Ларисы, можно ли на горнолыжном курорте встретить потенциального работодателя. Это было бы неэтично. Я спрошу у Владимира Станиславовича – на месте. И попрошу меня представить. Или, может, если я хорошо поработаю, Лариса станет мне больше платить? Сделает своим замом?

В общем и целом я была настроена на борьбу за свое место под солнцем. Правда, ничего оригинального пока не придумала.

Глава 4

Лариса посоветовала не брать много багажа – не больше одного чемодана на колесиках, – чтобы быть мобильной. Мало ли, куда-то придется переместиться. Я выбрала легкий пуховик, а не громоздкую шубу, короткие сапожки-снегоступы на платформе, джинсы и свитера. Конечно, в чемодане лежали и два вечерних

платья, и туфли, но также был и лыжный комбинезон, и английский спортивный костюм, в свое время привезенный мне бывшим из Ливерпуля (с символикой его любимой футбольной команды). Костюм до этой поездки лежал среди прочего барахла, и я с трудом его отыскала. Уже опасалась, что он остался в доме Владимира Станиславовича. В общем, я не забывала, что в первую очередь еду на горнолыжный курорт и своим видом должна соответствовать месту предстоящего пребывания. Взяла дорогое белье, необходимое в поисках мужа или просто богатого любовника, короткий шелковый халатик. Также я взяла свой ноутбук.

Думала ли я, когда Владимир Станиславович мне его купил, что я стану на нем работать? Изначально я использовала его для чтения информации о знакомых в Интернете, потом стала кое с кем переписываться по электронной почте. Все ее освоили, и я тоже должна была это сделать! Никто не ожидал от меня стилистических изысков, мы с девочками обменивались короткими посланиями. Переселяя меня в однокомнатную «брежневку», Владимир Станиславович мне ноутбук отдал, но он тоже не мог предположить, как я стану его использовать!

В день перед вылетом Лариса впервые посетила мое новое жилище, хмыкнула при виде горы одежды и обуви, занимающей большую половину единственной комнаты, и велела продемонстрировать, что я беру с собой.

– Зачем?

– Катя, ты же вроде никогда не бывала на горнолыжных курортах?

– Нет, – покачала головой я. – Владимир Станиславович меня возил или на пляж, или в Англию на футбол. Я же рассказывала.

– Понятно. Показывай, что взяла. Денег-то у тебя нет лишних, чтобы что-то докупать на месте, если потребуется.

Лариса критически осмотрела мой багаж, велела одно вечернее платье выложить, а вместо него положить черные брючки и безрукавку, которую можно надеть и на блузку, и на свитер. Также велела взять еще одни сапожки. Лыж, как я уже сказала, у меня не было. Покупать я их не планировала. Я знала, что на курортах их можно взять напрокат. Правда, я не собиралась на них кататься. Я была не уверена, что способна съехать с самой пологой горы и при этом не

сломать себе шею. Шею было жалко.

Но у Ларисы тоже не было лыж, то есть имелись деревянные детские, на которых ее чада катались на уроках физкультуры в школе. Их она, естественно, брать не собиралась.

– Как же они в Новый год без вас? – вдруг ударила мне в голову мысль.

– Я каждый Новый год работаю. Они это знают. Лешка сразу после двенадцати собирается выйти во двор с друзьями – у них тут большая компания. Дочь может и не дожидаться боя курантов. А первого уже Витя приедет – когда протрезвеет. Но обещал уделить детям внимание на каникулах. И вообще они у меня давно телефонновоспитуемые. – Лариса усмехнулась. – И им иногда полезно пожить без меня. Леша сразу же в магазин начинает ходить, втроем с моим отцом что-то готовят – когда съедят оставленное мной и пельмени надоедают. Не тащить же мне их всех с собой?! И денег нет, и работать будут мешать.

В аэропорт нас отвозил шофер редакции, в очереди на регистрацию я высматривала знакомых, но никого не увидела. Ларису тоже никто не узнал и не окликнул. Но те, с кем я общалась во время проживания с Сирым, и те, кого видела на мероприятиях, на которые ходила в последние два месяца, летели или частными самолетами, или специально зафрахтованными, а не обычным рейсовым. Здесь собрался средний класс. Интересно, кто из них как намерен выпендриваться?

Реклама конкурса оригинальных выходок уже прекратилась, никаких сообщений об оригинальных заявках я не видела и не слышала. Конечно, я не читаю газет, телевизор смотрю мало, но и в Интернете появлялись только рассказы о красотах курорта и предоставляемых там услугах, но не о конкурсе и не о претендентах на миллион долларов!

Еще вчера я спросила об этом у Ларисы.

– Получился переизбыток желающих, – пожала плечами она. – Гостиницы не резиновые. Вот и заглохли временно. Думаю, что перед Двадцать третьим февраля и Восьмым марта снова запустят рекламу.

Курорт располагался в одной бывшей социалистической стране, теперь упорно стремящейся к капитализму. Много наших граждан купили там недвижимость, открыли фирмы. Насколько я поняла, мой бывший тоже вложил в недвижимость. Он вообще ее приобретал в разных странах. Скорее всего, в этой стране он купил небольшой замок из тех, которые остались с досоциалистических времен и были отреставрированы в последние годы. Правда, у них и в годы социализма морги и склады в церквях не устраивали.

Новый курорт решили активно пропагандировать после курьеза в Куршевеле. А как еще назвать обвинение российского миллиардера в сутенерстве и содержание в течение четырех дней за решеткой по этому обвинению? Сразу стало ясно, что часть обиженных и оскорбленных россиян в Куршевель больше не поедет. Им следовало быстро предложить что-то новенькое, причем такое место, в котором можно появляться хоть с сотней баб и делать все, что душевненько угодно. Возможно, предложением продемонстрировать оригинальность хотели сказать, что это как раз тот курорт, который идеально подходит для наших людей. Выпендривайтесь – и вам за это не только ничего не будет, но вы за это получите приз!

Более того, в Куршевеле теперь засвечиваться опасно, например, высокопоставленным чиновникам и топ-менеджерам. Кое-кто ведь уже, так сказать, вынужденно сошел с лыжни «по собственному желанию». Появится твоя фотография на фоне Альп – и пиши заявление об уходе. А ведь можно покинуть насиженное место и с другой формулировкой. Смотря какая фотография, смотря какая статья... Высокопоставленные граждане и гражданки сделали правильные выводы и отправились на другие курорты.

Почему бы не выбрать одну тихую бывшую социалистическую страну, которая обещает сервис на уровне самых лучших капиталистических, но по более низкой цене? Правда, туда же собирались представители телевидения, различных газет и журналов. Вон мы с Ларисой едем. Но возможно, всех предупредили о том, чтобы писали и снимали «правильно»? Или будут предупреждать на месте? Мне-то пока никто ничего не говорил. Или в расчет не берут? Или считают своей? Или кое-куда не будут пускать? Предложат снимать оригинальности среднего класса и не приближаться к остальным? Хотя мне прислали ваучер в трехзвездочный отель... Там-то олигархов явно не будет.

Я вздохнула.

– Ты чего? – посмотрела на меня Лариса.

Мы уже сидели в салоне «Боинга-767», на двух креслах у иллюминатора. Места располагались в хвостовой части самолета (то есть самые дешевые). В центре салона, где в ряду по три кресла, народ уже активно распаковывал пакеты из дьюти-фри и разливал напитки различной крепости по предусмотрительно прихваченным с собой пластиковым стаканчикам. Стюардессы даже не пытались говорить, что это запрещено. Это были наши девочки, а в самолете летели исключительно наши люди, и все понимали: они все равно будут пить. У двух мужиков перед нами были свои граненые стаканы. Соседям слева (через проход) они объяснили, что без граненых стаканов испытывают дискомфорт. Из всего остального пьется как-то не так...

– А их еще где-то продают? – влезла с вопросом Лариса.

– Да, и даже в Петербурге можно купить, – ответил мужик и пояснил где.

Полет прошел в теплой дружественной обстановке. Народ пил, закусывал, знакомился, потом немного попели, правда, не танцевали. До драк тоже не дошло. Вероятно, народ берег силы для горнолыжного курорта.

По приземлении всех встречали большие или маленькие автобусы. Тут мы с Ларисой были вынуждены разделиться, но договорились дожждаться друг друга в холле отеля – или просто попросить дать второй одноместный номер рядом. Мало ли у кого-то произойдет задержка...

Задержка произошла из-за микроавтобуса, который забирал народ с какого-то другого рейса и ехал по той же дороге, что и мы – но раньше нас. У автобуса лопнуло колесо на скользкой дороге, но водитель проявил незаурядное мастерство – и смог врезаться в большой сугроб на обочине. Народ отделался ушибами, но все остались живы. Когда мимо проезжали мы, люди как раз голосовали. Они пытались пристроиться в проходящий мимо транспорт, который направлялся на тот же курорт. Их брали кто мог, но не больше, чем по два человека – ведь места в больших и маленьких автобусах были все заняты.

Наш водитель притормозил, о чем-то посоветовался с другим местным водителем – и вскоре к нам в микроавтобус залезла одна симпатичная молодая женщина и... женщина в парандже! Или чадре? Я не знала точного названия этого

восточного одеяния.

У нас в микроавтобусе ехали семь человек, и все семеро при виде особы в восточных одеждах открыли рты. Из-под рысьей шубы, накинутой на плечи и застегнутой на одну пуговицу, у дамы проглядывало длинное черное платье, из-под него, в свою очередь, виднелись красные сапоги-снегоступы. При взгляде на эти снегоступы у меня мелькнула мысль: «А она случайно не ряженая?» Вторая была одета в короткую песцовую шубку с капюшоном, черные джинсы и черные сапожки на каблуках. Обе дамы поздоровались по-русски. Мы ответили нестройным хором. Дама в восточной одежде прошла в самый конец салона, где сидела я, и устроилась рядом.

– Я – Гюльчатай, – сказала особа женского пола молодым голосом без какого-либо акцента. Я видела только ее карие глаза, в которых играли озорные огоньки, и верхнюю часть носа. Большая часть лица была закрыта. – Ты про меня слышала?

– «Белое солнце пустыни»? – робко произнесла я.

Она рассмеялась звонким смехом.

– Нет, детектив в парандже. На самом деле это чаршаф[1 - Чаршаф – род чадры – длинное черное покрывало, закрывающее голову, часть лица и скрывающее очертания фигуры. Паранджа – халат с ложными рукавами, покрывающий женщину с головой. Носится с чачваном – черной густой сеткой из конского волоса, закрывающей лицо. (Прим. автора.)], но мой пиар-менеджер решил, что основная масса наших людей никогда не слышала про чаршаф, да и «детектив в парандже» звучит привлекательнее. Надо, чтобы легко произносилось и легко запоминалось. А «детектив в чаршафе» – не звонкое выражение, правда? И не всем понятное.

– Вы считаете, что все наши граждане точно знают, что такое паранджа?

– Большинство все-таки слышали это слово.

К нам повернулись два мужика, сидевшие на креслах впереди. Именно они прилетели на курорт со своими гранеными стаканами.

– Вы ведете расследования, а потом их описываете, да? – уточнил один.

– Ну, пока было только одно расследование. Разве успеешь провести и описать несколько за два месяца?

И тут у меня в голове щелкнуло. Не одну меня потянуло к клавиатуре. Это тоже явно новый проект, который, возможно, уже какое-то время готовился, а тут его представили народу. Чего ж не представить, если на кону миллион долларов? Но получит ли их детектив Гюльчатай? Хотя она, вероятно, такая же Гюльчатай, как я – Лейла или Фатима.

Странная особа тем временем объясняла мужчинам, что такое чаршаф, чачван и хиджаб. А дамам в этих самых чаршафах, как, впрочем, и в парандже, разве можно общаться с незнакомыми мужчинами, которых они видят первый раз в жизни? Вроде бы за это секут кое в каких странах? И почему она без сопровождения родственников? Мужа, отца, брата? Или хотя бы мамы или старшей родственницы женского пола? Если уж входить в образ, так полностью! Недоработал пиар-менеджер или кто там еще разрабатывал проект.

– Вы пишете романы? – уточнила я.

– Нет, серии статей в еженедельник, – ответила мне Гюльчатай (или кто она там на самом деле). – Я описываю реальные события, ничего не придумываю. Это скорее отчет частного детектива о проделанной работе.

«Моя конкурентка?»

– Рассчитываете стать свидетельницей преступления на этом курорте? – поинтересовался один из мужчин.

– Я уже стала, – как само собой разумеющееся заявила Гюльчатай. – И не сомневаюсь, что это не последнее.

– Какого преступления? – не поняла я. – Микроавтобус с лопнувшим колесом врезался в сугроб? Синяки у пассажиров? Считаете, что это происшествие вызовет большой интерес у читателей? А вы будете расследовать работу станции техобслуживания, или гаража, или фирмы, которой принадлежит

микроавтобус?

– По колесу стреляли, – ответила особа в чаршафе. – Из машины с затемненными стеклами. Номер был заляпан грязью. Хотя где они тут нашли грязь, я не представляю. Может, с собой из России привезли?

– И... что? – выдавил из себя один из мужиков.

– Ничего, – пожала плечами дама в чаршафе и рысью шубе. – Помчались дальше. И, кроме меня, никто не видел, как стреляли! Водитель заявил, что проткнул колесо на дороге!

– Может, вам показалось? – высказал предположение второй мужик.

– Нет, я просто сидела сзади и смотрела назад. Они какое-то время ехали за нами. Я еще удивилась сильно тонированному лобовому стеклу. Вроде бы в этой стране такое запрещено. Ну а потом человек, который сидел на переднем месте пассажира, высунулся из окна – и выстрелил по колесам.

– Вы лицо успели рассмотреть? – поинтересовалась я.

– Нет, он был в маске. Потом они быстро нас обогнали и умчались вперед.

– А вы что сделали?

– Рухнула на сиденье. Другим закричала, чтобы ложились. Машину повело. Мне никто не поверил. Но я обязательно проведу расследование! Чтобы обезопасить наших граждан, которые сюда приехали! А потом напишу в различные газеты и журналы, стоит ли сюда вообще приезжать. И если я решу, что здесь опасно, то так и напишу. Прямо! Ничего не буду скрывать! По крайней мере, начало этого путешествия мне не нравится. Где это видано, чтобы по мирным гражданам в микроавтобусе ни с того ни с сего стреляли?

Я спросила, сколько человек было в микроавтобусе и не знает ли Гюльчатай, кто они такие. Я тоже решила написать про путешествие из аэропорта в отель, только не про стрельбу, а про Гюльчатай.

– Если считать меня, то девять пассажиров плюс водитель. Все ехали на один курорт, но в два отеля. Как я понимаю, они стоят рядом. То есть там все рядом, только шале на небольшом удалении.

– А распределение по высотам есть, как в Куршевеле? Ну, в смысле ближе всего к уровню моря – нищие, а самые богатые – на высоте тысяча восемьсот пятьдесят метров. Я, кстати, даже не знаю, сколько здесь метров.

Как выяснилось, этого в нашем микроавтобусе не знал никто. Не удосужились поинтересоваться. Про трассы тоже никто ничего не мог сказать. Я поняла, что пункт «катание на лыжах» в плане всех наших туристов занимал последнее место – если занимал вообще какое-то. По крайней мере, ни в нашем микроавтобусе, ни во врезавшемся в сугроб никто лыжи с собой не взял. Отдать должное, у некоторых пассажиров самолета они были. В таком случае их в микроавтобусах размещали сверху, а в больших автобусах или сзади, в специально отведенном отсеке, или в багажном отделении под днищем.

– Гюльчатай, а вы одна? – поинтересовались мужчины. Хотят заглянуть под паранджу?

– Одна. Я привыкла работать одна. Но на курорт уже приехали мои знакомые, с которыми я собираюсь проводить время.

– А вы, Катя? – спросили меня.

– С компаньонкой, – ответила я. – Она едет другим автобусом.

Как мне было назвать Ларису? Работодательницей? Мы с ней договорились, что я никому не сообщаю, что намерена собирать материал для «Очаровательной сплетницы». Для «подруги» она не очень подходила из-за нашей разницы в возрасте. Родственницей тоже не назовешь – а вдруг встретим знакомых? С чего это вдруг мы породнились? Хотя опосредованно, через Владимира Станиславовича...

Но мужчин явно больше интересовала Гюльчатай. Они вообще любят тайны. Им хотелось посмотреть на лицо. И голос-то молодой! И глаза молодые, озорные и веселые! И ведь явно приехала развлекаться и оригинальничать! Кто же придумал этот проект? Ведь Гюльчатай вполне может сорвать банк.

Глава 5

Когда мы выгрузились из микроавтобуса, я впервые увидела наш отель и курорт в целом в свете заходящего солнца. Отелей было пять, все – в пешей досягаемости друг от друга. В нашем насчитывалось шесть этажей, во всех остальных – по пять, причем два можно было назвать «точечными». На некотором удалении стояли отдельные домики, большего или меньшего размера, одно- и двухэтажные. До них тоже можно было добраться пешком. С трех сторон застроенный участок окружали горы, с четвертой оказалось озеро, о существовании которого я не знала. Возможно, следовало побольше почитать о курорте в Интернете. Хотя какое озеро зимой...

– О, вот тут и будем рыбку ловить, – сказал мужик, который сидел в автобусе передо мной. Он чуть не приплясывал от возбуждения.

– А вы не на лыжах приехали кататься? – удивилась я.

– Да в гробу мы видели эти лыжи, – ответил второй дядька. – Мы, можно сказать, профессиональные рыбаки, принимаем участие в международных соревнованиях. Вот он, например, – чемпион России по ловле рыбы со льда на мормышку.

– Здесь будут проводиться соревнования среди рыбаков? – поразились уже Гюльчатай. – По подледному лову?

– Не в этот раз, – пояснили нам. – Нас пригласили для профессиональной оценки. Нужно посмотреть условия, улов... Нюансов много. Так что, может, еще и не будет никаких соревнований.

– Вы со своим инвентарем? – поинтересовалась я.

– Конечно. Хотя нам сказали, что он тут есть и его можно взять напрокат. Но мы все равно решили взять свое. Отправили отдельно вместе с инвентарем других рыбаков. Завтра должны подвезти. Свое и привычнее, и надежнее.

– Здесь может потребоваться разрешение на ловлю рыбы, – заметила Гюльчатай.

«Она – юрист? – возникла у меня мысль. – Знает международное право? Или просто интересовалась законами этой страны?»

– У нас официальное приглашение, – пояснил ей один из дядек. – Вот пусть приглашающие и занимаются получением всех разрешений и лицензий.

– Но штрафовать-то будут вас, – невозмутимо заметила Гюльчатай. – Вы все-таки уточните у организаторов этот вопрос и бумажку какую-нибудь попросите. Чтобы они платили, а не вы. Кстати, взятки в этой стране не берут.

«Она вообще кто?»

– Разберемся, – ответили дядьки и отправились размещаться в гостинице.

Мы с Гюльчатай оказались в одной, а мужики – в другой. В холле меня уже ждала Лариса, получившая ключ. Она успела заполнить за меня карточку, с моего паспорта быстро сняли ксерокопию и мне тоже вручили самый обычный ключ, а не пластиковый. Персонал говорил по-русски – или это были отголоски советских времен, или требования нового времени, которое заставило персонал на курортах всего мира учить русский язык или нанимать на работу русских. Тут за стойкой портье все-таки работали двое местных – парень и девушка.

Наши с Ларисой номера располагались на третьем этаже, в конце коридора и рядом друг с другом. В здании недавно сделали косметический ремонт, ничего особенного, но чистенько. В общем – вариант экономкласса. Интересно, что тут в «пяти звездах»?

В номере стояла широкая кровать, то есть две сдвинутые друг с другом односпальные, чтобы номер можно было использовать и как двухместный, и как одноместный, имелся встроенный шкаф с вешалками для одежды и полками для белья, а также две прикроватные тумбочки, одно кресло, тумба с телевизором в ногах кровати и зеркало над высоким узким столиком, оснащенным тремя выдвигающимися ящичками. Столик был придвинут к стене в самом углу перед выходом на балкон. То есть, чтобы выйти на балкон, дверцу, двигавшуюся по рельсу, требовалось открыть полностью – или врежешься в угол столика. Не продумано. С другой стороны, не ставить же кресло в этот угол? А вдруг надует

в бок? Но ниоткуда не дуло. Я проверила. На столике лежал маленький коробок спичек с логотипом гостиницы и стояла свечка. Здесь что, электричество периодически отрубается? Коробок я сунула в карман пуховика. Я не курю, но спички вполне могут пригодиться во время вечерних прогулок. Санузел, естественно, был совмещенным, как и во всех гостиницах, где мне доводилось бывать. Холодильник в этих «трех звездах» не предоставлялся. Хотя тут за окно можно продукты выставлять... Выпивку. Свое сало. Мне лично выставлять было нечего, а те, кому есть, пусть сами решают эту проблему.

Я приняла душ, освежила макияж и позвонила в номер Ларисы.

– Какие планы на вечер?

– Пойдем ужинать. Конечно, не в гостинице. Тут несколько ресторанчиков, две ночные дискотеки, боулинг. Для начала прогуляемся по территории. На народ посмотрим, себя покажем. Помнишь, что я тебе выдаю только по двадцать евро в день?

– Ну я же не устриц есть собираюсь!

– А кто тебя знает, – усмехнулась Лариса.

У меня с собой был неприкосновенный запас – сто пятьдесят евро, зашитые в разные предметы одежды, но я собиралась каждый день получать с Ларисы обещанное, ну и, конечно, держать глаза и уши открытыми. Работа работой, но главное для девушки... Ну, вы сами знаете. Вам, наверное, то же самое говорили мама и бабушка. Или все-таки следует выбросить эту мысль из головы?

Работодательница вручила мне голубенькую купюру.

– Аванс в счет твоих наблюдений! Катя, ты хоть книги с собой какие-то взяла?

– Зачем? – искренне удивилась я.

– О господи! – закатила глаза Лариса. – Да учиться русскому языку. Тебе нужно каждый день читать!

– Но вы же мне этого не говорили!

– А до самой тебя не доходит? Я вообще не понимаю, как можно ничего не читать!

Я сказала, что читаю женские журналы, в частности «Очаровательную сплетницу», и следую многим из даваемых там советов. Классику читала в школе.

– Вечером принесу тебе детектив, – объявила работодательница. – Катя, если ты и дальше хочешь работать в журнале, ты должна научиться излагать свои мысли на бумаге! Внятно излагать. Ты думаешь, мы будем вечно все за тебя переписывать?

– Но я уже учусь! У меня нет высшего образования, у меня одиннадцать классов провинциальной школы! Я приехала в Петербург после победы на конкурсе красоты. Я воспользовалась шансом, который мне дала судьба. Знаете, с чем и в чем я приехала? У меня даже чемодана не было! У меня дамской сумочки не было! Никакой! Был армейский рюкзак, еще дедушкин, и полиэтиленовый пакет. И я закрепились в Петербурге. Я три года прожила с вашим мужем, то есть бывшим мужем. Я его ни у кого не уводила. Я вообще никого ни у кого не уводила. И я любила Владимира Станиславовича! Я не могу жить с мужчиной, не испытывая к нему никаких чувств! Меня все девчонки за это ругали. Я могла бы давно быть замужем, но я не могу без чувств!

– Дура, – спокойно сказала Лариса. – Эмоциональная дура. Чувства в любом случае губят быт и привычка.

– Но ведь есть пары, которые живут до золотой свадьбы и жизни не представляют друг без друга!

– Катя, определись, что именно тебе нужно. Фейерверк эмоций, песни под окном под аккомпанемент мандолины? Золото и бриллианты? Ты точно знаешь, чего хочешь?

– Любви, но не в шалаше. Домой я не вернусь. Ни за что. Я уже не смогу жить в маленьком городке. Но в большом городе мне без мужчины не выжить. А вам какой мужчина нужен, Лариса?

– Друг и единомышленник, – тут же ответила редактор модного журнала. – Нужно взаимопонимание и уважение друг к другу. Мне точно НЕ нужен мужчина, готовый на безумные поступки.

Я внимательно посмотрела на Ларису. Интересно, каким был Владимир Станиславович, когда познакомился с ней?

– Так, давай собираться на выход. Ты готова?

Лариса внимательно меня оглядела. Она зашла ко мне в черных джинсах и свитере стального цвета с V-образным вырезом, из которого выглядывала белая блузка. Я была в полосатом свитере (чередовались вертикальные черные и белые полосы) с высоким воротом, под ним – футболка. Мало ли где придется раздеться... В ресторане может быть жарко, в особенности если я решу сплясать на столе. Или даже на танцполе. Но тогда что мне обувать? Лариса была в снегоступах – ведь для начала мы планировали прогуляться. Надо осмотреться.

Но первым делом мы поделились новостями. Лариса не могла рассказать ничего интересного. С ней в микроавтобусе ехала семья с двумя детьми-школьниками и двое студентов, вероятно, дети богатых родителей. Никакой Гюльчатай, никаких частных детективов, даже без паранджи или чаршафа, никаких рыбаков со своим снаряжением.

Мы вышли на улицу, вдохнули свежайшего горного воздуха, посмотрели на темное небо, усыпанное звездами. Стоял легкий морозец – максимально минус пять, может, даже минус три. Снег был белый и чистый, приятно хрустел под ногами. Дорожки для пешего передвижения оказались хорошо утрамбованы, но не были скользкими. Мы посмотрели, в какую сторону движется народ, – и отправились туда же.

На большой площадке перед озером ставили сцену, на самом берегу, на удалении от сцены, уже воздвигли палатки.

– Что тут планируется? – спросила Лариса у двух мужчин лет сорока, с трудом державшихся на ногах, но не прекращавших прикладываться к фляге, которую передавали друг другу.

– Тут – концерт, – они кивнули на сцену, – там – купание, – они кивнули на палатки.

– Какое купание? – уточнила я.

– В проруби, – как само собой разумеющееся сказал второй мужик. – Будут прорубать прорубь – и вперед, смывая грехи и болезни.

– Так это же в Крещение! – воскликнула я. – А тут еще Новый год не наступил.

– Не хочешь – не купайся, – философски заметил мужик. – А мы окунемся. В Куршевеле купания не было, а здесь есть. Какое-то разнообразие. Не все же водку жрать!

По-моему, мужчины пили коньяк.

– А где тут на лыжах катаются? – спросила Лариса.

– На лыжах? – удивленно спросили мужчины.

– Но это место позиционируется как горнолыжный курорт, – невозмутимо заметила Румянцева.

– Вы – русские? – спросил нас один из мужиков.

Мы кивнули.

– Странно, – сказал второй. – Русские ездят на горнолыжные курорты жрать водку, блевать, орать, петь, драться, выпендриваться всеми возможными способами. Бабы демонстрируют наряды и ищут мужиков. Здесь нужно показаться, чтобы все знали – ты, так сказать, на лыжне. Фигурально. Правда, где нужно показываться в этом году, мы не знаем! Раньше нужно было ехать в Куршевель, чтобы все знали: у тебя дела идут отлично. В этом году многие решили податься сюда, раз такая реклама шла. И значительно дешевле. Молодцы ребята, которые все это организовали. В этом году привлекли низкими ценами, наверное, устроят хорошую развлекуху, а на следующий год уже можно будет задрать цены в два раза. Или в три. Быстро отобьют вложения.

– Владельцы курорта только наши или еще и местные есть? – спросила Лариса.

– Наши, но с местными, конечно, как-то договорились. Обязательное количество рабочих мест, развитие инфраструктуры. Местные власти всячески привлекают инвестиции. И всем хорошо. И никаких откатов чиновникам. Чиновники, наоборот, перед налогоплательщиками отчитаются о проделанной работе.

Лариса спросила, где тут можно недорого поужинать. Мужики назвали два ресторанчика, причем посоветовали лучше подняться на гору, где, как выразился один, чувствуешь единение с Вселенной. В том ресторанчике есть места и на открытом воздухе, и в помещении.

Мы пошли объединяться с Вселенной.

По пути встретили несколько пьяных компаний, состоявших исключительно из соотечественников. Нас обогнали два парня. Шли они быстро, словно на деловую встречу. Мы не слышали, чтобы они перекинулись друг с другом хоть словом. Одна пьяная компания буквально заставила нас с ними сплясать. На подходе к ресторану мы услышали громкую музыку – пел Виктор Чудов, но не живьем.

– Интересно, когда Витька до детей доберется? – задумчиво произнесла Лариса, не ожидая ответа.

Уже заворачивая к входу, располагавшемуся с другой от основной дороги стороны, мы увидели лежащее в сугробе тело. Вокруг тела был сильно притоптан снег. Или оно тут каталось, как пес, резвящийся на свежем снежке? И вообще было интересно, тело не дошло до ресторана или, наоборот, рано вышло? Следовало протрезветь в зале, а потом двигаться в сторону отеля.

– Мужчина, вставайте! – наклонилась над лежащим Лариса. – Замерзнете.

Мужчина не ответил. Лариса потрясла его за плечо – никакой реакции.

– Это ж как надо было напиться! Просто Витька номер два. Хотя тут таких, пожалуй, половина курорта. Мужчина!

– Мужик ваш? – слышался с тропинки нетрезвый голос.

– Да нет, первый раз в жизни видим. Но замерзнет же!

– Да бросьте вы, – сказал все тот же пьяный, но стоящий на своих двоих мужик. – Я сколько раз в сугробе засыпал – и только на пользу. Быстро трезвеешь. Дайте человеку поспать! Пойдемте, девчонки, я вас глинтвейном угощу! Здесь классный глинтвейн!

Мы пошли угощаться.

В ресторанчике, в уголке сидела Гюльчатай с двумя молодыми мужчинами. По моему, это были те два парня, которые обогнали нас с Ларисой, хотя я могла и ошибиться. И вообще в восточной одежде могла быть и не Гюльчатай. Да даже мужик мог быть! Я не подходила близко и не видела ее глаз. И голос ее с моего места было не слышно. Мне она рукой не махала. Она что-то напряженно обсуждала с двумя молодыми мужчинами.

Наш новый знакомый оказался владельцем небольшой сети супермаркетов, сам лучше всего разбирался в спиртных напитках. Ему бы с лекциями выступать на эту тему! Рассказывал интересно. У Ларисы, как я знала, работал диктофон. Может, вскоре что-то появится в «Очаровательной сплетнице». Не успела я об этом подумать, как Лариса предложила Николаю дать рекламу его сети в ее журнале. Мужик заинтересовался. Я поняла, что на этот курорт люди приехали еще и для заведения новых знакомств (без личного интереса) и установления деловых контактов. Да вообще-то я и сама об этом думала...

Пока эти двое обсуждали возможные варианты взаимовыгодного сотрудничества, я осматривалась по сторонам. Мы сидели в помещении, рассчитанном человек на сорок. Мое внимание привлекла дама во всем черном, причем черной была не только одежда (брюки, свитер, сапоги), но и волосы, и лак на ногтях, и помада, а уж вокруг глаз сколько было черноты... Все украшения на ней (присутствовавшие в большом количестве) оказались серебряными. Она сидела в уголке в одиночестве и пила красное вино из бокала. Создавалось впечатление, что она глубоко ушла в себя и не замечает происходящего вокруг. Я затруднилась с определением возраста – и освещение было не самым ярким, и сидела она в противоположном от нас углу зала. Остальные посетители были самыми обычными – наши мужики с нашими девчонками или без них, которые пили, ели, орали и, в общем и целом, наслаждались жизнью.

– Скажи, Коля, а сюда кто-нибудь уже привез девушек самолетом? – спросила Лариса у нового знакомого, с которым перешла на «ты».

«Почему ее это интересует?» – задумалась я. Лариса же мне перечисляла все категории «отдыхающих», когда я ее о них спрашивала. Или ее интересует какой-нибудь олигарх с самолетом?

– Зачем? – тем временем искренне удивился Коля. – Они сюда сами приезжают. И в Куршевель ездили. Может, до сих пор ездят. Ты, как я понял, сюда приехала работать, так? Для твоего журнала тут масса фактуры. Я приехал отдыхать, но тоже не забываю о работе. И девчонки сюда работать едут. Здесь многие работают.

На меня эти двое больше не обращали внимания. Я поняла, что лишняя за столом. Коля уже накормил нас ужином, и я решила, что мне лучше покинуть парочку. Прогуляюсь. Мне тоже нужно работать – и искать нового мужчину.

Глава 6

Лариса кивнула с отсутствующим видом. Коля сказал, что тут совершенно безопасно, ребенка одного можно отпускать. Правда, я никаких представителей службы безопасности не видела. Хотя хорошие секьюрити остаются незаметными.

Я прошла через открытый зал, в котором количество народа уменьшилось, и решила прогуляться по дорожке влево – к станции подъемника. Сейчас он уже не работал, кабина (или кабины, если их несколько) явно висели где-то внизу.

Хруст снега за спиной я услышала слишком поздно. Я только успела увидеть двух молодых мужчин и почувствовать укол – игла проткнула мне джинсы и вошла в бедро. Сволочи!

Проснувшись я на незнакомом диване, укрытая теплым пледом. Кто-то любезно снял с меня пуховик и снегоступы, свитер и джинсы оставил. Перед диваном стояли теплые тапочки. Я сразу же вспомнила, что со мной случилось.

Я села на диване, огляделась. Я находилась в гостиной какого-то незнакомого мне дома. Стены были каменными крашеными, над диваном висела картина с изображением дамы в наряде то ли восемнадцатого, то ли девятнадцатого века, с красивыми драгоценностями на шее и руках. Имелся камин – прямо напротив дивана, над ним висели две скрещенные шпаги. Из мебели в помещении стоял еще низкий круглый стол средних размеров и четыре кресла вокруг него. Стол с креслами располагались у двух окон. Напротив них стояли высокие, закрытые, застекленные серванты. Посуда в них выставлялась на всех полках – сверху донизу. Это были тарелки разных размеров, чайный и кофейный сервизы, различные бокалы. Граненые стаканы отсутствовали.

За окнами стояла ночь. Никакого уличного освещения я не заметила. Люстра под потолком здесь тоже не горела, но свет для меня оставили – бра на каменной перемычке между двух окон. Благодаря ему я и рассмотрела обстановку.

Как я поняла, никакого центрального отопления в этом доме не было предусмотрено. Может, имеется свой генератор? Но, судя по температуре воздуха в помещении, генератор не работал. Или тут обогреваются камином? Но сейчас никакие дрова в нем не горели. И в любом случае я находилась у противоположной стены.

Интересно, чей это дом? И зачем меня сюда доставили? И почему разместили в этой комнате? Хотя, конечно, хорошо, что не в подвале и не в кладовке. Но это гостиная! Эта комната не предназначена для проживания. Здесь гостей принимают.

Следовало отправляться на разведку. Я сунула ноги в тапочки, подумала и решила оставить плед на плечах. В свитерочке, пожалуй, будет холодно. Почему здесь не топят?

Я толкнула дверь в коридор, она даже не скрипнула. Освещение отсутствовало, только в конце коридора имелось окно, и благодаря огромным сугробам за ним в коридор попадало хоть какое-то освещение. Я направилась в сторону окна. Выгляну и осмотрю местность. А вдруг увижу что-то знакомое?

Но не доходя до окна, я увидела тонкую полоску света, пробивавшуюся из-под последней двери по правой стороне. Я постучала. За дверью послышался звук отодвигаемого стула или кресла, потом шаги – и дверь распахнулась.

На пороге стоял красивый мужчина слегка за тридцать. У него были темные глаза, показавшиеся черными при тусклом освещении, темные волосы, волнами ниспадающие на плечи, густые брови, прямой нос.

– Проснулась? – спросил он на чистом русском. – Проходи.

Это был кабинет, в котором горел камин. Дрова весело потрескивали и будто манили к себе. Перед камином стояли два кресла и небольшой столик, на котором мое внимание привлек включенный ноутбук. Правда, со своего места я не видела экран, поэтому не могла сказать, чем развлекался мужчина. Или он работал?

Я опустилась в одно из кресел, мужчина занял второе и еще больше развернул ноутбук к себе. Значит, мне обязательно нужно будет взглянуть на экран!

Мужчина представился Василием и спросил, чего бы мне сейчас хотелось. Я подумала, почувствовала урчание в животе и заявила, что хочу есть. Василий как-то странно посмотрел на меня.

– Вы не смотрите, что у меня модельная внешность. Во-первых, я давно не модель, во-вторых, никогда не имела склонности к полноте и ела все, что хочу, в-третьих, я считаю, что не нужно себе ни в чем отказывать.

Василий расхохотался. В этот момент стал еще красивее. Но меня мама с детства учила, что от красивых мужиков нужно держаться подальше. Про «непостоянную у них любовь» я слышала многократно и многократно убеждалась в истинности высказывания, правда, к счастью, не на своем горьком опыте. Я всегда любила обеспеченных. У них, правда, тоже любовь непостоянная, но они хоть много работают, делом заняты, а не бабами.

Василий тем временем нажал какую-то кнопку, и минуты через две в дверь постучали. Вошел мужчина средних лет. Поклонился и вопросительно посмотрел на нас обоих.

– Что бы ты хотела, Катенька? – спросил Василий. – Это мой повар. Он говорит по-русски.

– А что можно? Чтобы не очень долго ждать?

Повар сообщил, что есть солянка, которую он может разогреть мне в горшочке, можно пожарить мясо (говядину, свинину или куриную ножку), можно разогреть тушеные овощи, которые сегодня подавались в виде гарнира. Я попросила солянку и овощи. Очень скоро они были поданы на стол. Василию повар принес чай в большой кружке.

Во время трапезы Василий расспрашивал меня о том, как добралась, как разместилась, что успела увидеть, с кем познакомиться. Когда я уже пила чай (с кексом), Василий объявил, что в ближайшее время мне предстоит жить в этом замке. Мои вещи перевезут завтра.

Я отставила кружку с чаем и тарелку с кексом в сторону.

– С какой стати? – спросила я.

– Ну, здесь же лучше, чем в гостинице, – пожал плечами Василий. – Еду будешь заказывать моему повару. Все, что угодно. Приставать к тебе никто не посмеет. Здесь спутниковое телевидение, Интернет...

– Что вам от меня нужно?

Я напряглась. Я знаю, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. С какой стати Василий, которого я точно видела первый раз в жизни, организовал мою доставку сюда (явно сопряженную с риском и стоившую денег, хотя, возможно, действовали его штатные сотрудники) и собирается здесь содержать в комфортных условиях?

– От тебя, Катенька, ничего, – расплылся в улыбке Василий.

– А зачем тогда меня здесь держать?

– Нужно для дела.

– Для какого дела?! Какие у нас с вами могут быть дела?

– У нас с тобой – никакие. Но ты в самом деле будешь жить в комфортных условиях. Заказывай все, что ты хочешь. И это касается не только еды.

– Я хочу жить в гостинице, где у меня оплачен номер.

– Оплачен не у тебя, а у меня.

Я моргнула. Василий сообщил, что это он прислал мне приглашение на этот курорт с оплаченным авиабилетом и ваучером.

Так, может, меня хотят кому-то продать?! Василий выяснил, что я рассталась с Владимиром Станиславовичем, я – девушка модельного типа, а такие до сих пор пользуются большим спросом у определенной части населения (пусть и небольшой, но способной оплатить любые услуги), меня некому защищать, родственники далеко, и у них в любом случае нет денег. Я идеально подхожу на роль «живого товара»...

Но я не допущу, чтобы меня кому-то продали! Надо бежать! Только притупить бдительность Василия и выяснить, кто еще проживает в этом замке.

– И долго мне придется здесь жить? – спросила я нейтральным тоном.

– Не знаю, – ответил Василий.

– Хотя бы примерно?

– Не знаю, – опять сказал Василий. – Это не от меня зависит.

– А от кого?

Василий не ответил.

– Я смогу выходить погулять?

– В сопровождении моих людей. И не отходить далеко от дома.

Ситуация мне совсем не нравилась.

– Ваша жена здесь? – уточнила я.

– Я не женат.

– Постоянная подруга?

– У меня нет постоянной подруги.

– Вы голубой?

Василий дернулся.

– Если бы ты была мужчиной, Катенька, я бы тебе врезал, но я понимаю, почему у тебя возник такой вопрос. Я не женат, не имею постоянной подруги, к тебе не пристаю и еще обещаю, что к тебе в моем доме никто приставать не будет. Но я – деловой человек. Ты – часть сделки. Чтобы сделка состоялась, к тебе в моем доме никто не должен приставать.

– Но я же – человек! – закричала я. – А вы воспринимаете меня как вещь. Как товар!

– Ничего подобного, – совершенно спокойно ответил Василий. – Я воспринимаю тебя как любимую женщину другого мужчины, который за тебя отдаст то, что нужно мне. Если в моем доме к тебе будут плохо относиться, ему это не понравится. Поэтому ты будешь жить в самых лучших условиях, которые я только могу обеспечить.

Я моргнула. Это что же за мужик такой? Я спросила.

Василий расхохотался.

Внезапно распахнулась дверь, и в комнату вихрем ворвалась симпатичная молодая женщина среднего роста, воткнула руки в боки и рявкнула:

– Та-а-ак! Значит, трапезничаете? Веселитесь? Кобель некастрированный!

Она в один прыжок добралась до Василия и одарила его звонкой пощечиной. Василий грязно выругался.

– Это не то, что ты подумала, Лена! – завизжал он голосом кастрата. Интересно, откуда она взялась? Спала наверху или явилась с улицы?

Лена не унималась и продолжала громко высказывать свое мнение (нелицеприятное) о его любвеобильной натуре.

Я встала.

– Ты куда? – закричал Василий.

– Я здесь лишняя, пойду прогуляюсь. – Я посмотрела на разозленную фурию, сверкающую карими глазами. – Я не претендую на вашего мужчину. Он доставил меня сюда силой. Меня усыпили уколom – и я проснулась здесь.

– Маньяк! – заорала фурия. Голос теперь казался мне знакомым. И глаза я тоже где-то видела... С этими пушистыми длинными ресницами...

– Ты ничего не понимаешь, Лена! Да, наверное, мне следовало тебя предупредить...

– Я понимаю, что ты – неисправимый кобель, но я все исправлю!

– Вы случайно не видели мои сапоги и пуховик? – спросила я у девушки.

– У входной двери на вешалке, – бросила она через плечо. – Я вошла и подумала: а это чье? А этот кобель теперь женщин против воли ворует! Мало ему тех, что просто так готовы отдаться!

– И просто так готовы? – переспросила я, специально усиливая удивление в голосе.

– Конечно, не просто. На деньги его зарятся.

– А он вообще кто такой?

– Ты тоже хочешь? – повернулась ко мне девушка и сверкнула глазами.

Боже, да это же Гюльчатай, только без паранджи, то есть чаршафа! Глаза ее, рост совпадает...

– Не хочу! Он не в моем вкусе! Но он меня силой притащил сюда! Кто он такой? Он мне только имя назвал!

– Лена, я все объясню! Ее нельзя отпускать! Лена...

Прозвучала еще одна звонкая пощечина. Я предпочла ретироваться. Потом как-нибудь выясню, кто такой Василий. Надо только запомнить месторасположение замка. Главное – унести ноги.

И я их унесла, быстренько сунув в сапоги-снегоступы и надев на себя пуховик. Моя сумочка тоже висела на вешалке, и я, естественно, не оставила ее Василию с Леной. Никакой другой женской одежды на вешалке не оказалось.

Глава 7

Меня никто не остановил. Повар, вероятно, находился в кухне или в своих апартаментах, и в любом случае насилие не входило в число его обязанностей. Те два типа, которые меня прихватили перед подъемником? Может, их сейчас нет в замке? Они меня привезли и отправились отдыхать? Или за новыми жертвами? Кто мог предположить, что я сбегу? Хотя в любом случае следует поторопиться и как можно скорее увеличить расстояние между мной и этим замком. Вдруг те два типа все-таки находятся внутри? Вдруг Василию удастся объяснить ситуацию фурии Лене? Или Гюльчатай? Вдруг Лена тоже захочет сделать на мне деньги? И кто же все-таки тот мужчина, которому я так понадобилась? То есть... Кто тот мужчина, который готов платить за мое освобождение? Я не могла предложить ни одной кандидатуры. Но все равно

приятно осознавать, что у тебя есть тайный поклонник, а моя цель... Ну, вы сами знаете.

Я осмотрелась. Замок стоял на какой-то горе. Это в самом деле был замок – с башенками, стрельчатыми окнами. Похоже, что за основу взяли средневековый, которых немало осталось в этой стране, отреставрировали снаружи и осовременили внутри. Однако мне было не до красот средневековой архитектуры. Мне следовало побыстрее делать ноги!

От замка вниз вела одна дорога. Я бросилась к ней. Это оказалась хорошо накатанная колея, по которой явно ездили автомобили. И у пешеходов никаких проблем не возникало! Это не Петербург, который не могут нормально убрать. В этой стране снегоуборочной техники достаточно, как и всякой другой, необходимой для прокладывания лыжных трасс. Я лично уже видела два ратрака – машины для разравнивания трасс. Они работали, когда мы приехали на курорт. На заграничных горнолыжных курортах они есть везде – утрамбовывают и разравнивают только что выпавший снег и трассы по вечерам после массовых катаний. Они убирают все ямки и все бугорки. Вероятно, такая машина прошла и по этой дороге.

Но где мне спрятаться, если вдруг за мной организуют погоню?

По обеим сторонам возвышались сугробы в полтора моих роста. Конечно, можно нырнуть. Но, во-первых, не хотелось сидеть в снегу, во-вторых, могут и обнаружить по следам. Нужно быстрее вернуться в гостиницу, найти Ларису, объяснить ей ситуацию и подумать, что делать. Или найти Владимира Станиславовича? Он-то скорее знает, кто такой Василий. Или скорее знает Лариса?

Я припустила бегом вниз по склону, пару раз чуть не упала – в некоторых местах дорога была скользкой. Вскоре впереди замаячил еще один замок, потом второй, третий. Ко всем вели ответвления от основной дороги.

Внезапно я услышала позади себя звук заводящегося двигателя, на мгновение остановилась и прислушалась. Похоже, что заводили его в том замке, который я так поспешно покинула. Звуки тут явно разносятся далеко. Погоня? Я решила, что лучше перестраховаться, и бросилась по ответвлению дороги в ближайший дом. Если он закрыт, залезу в какую-нибудь пристройку. Найду куда!

Дом, до которого я добежала за несколько секунд, оказался меньше замка Василия, всего с одной башенкой. В нем насчитывалось два этажа, к моему огромному сожалению, рядом не оказалось никаких построек. Значит, нужно обследовать сам замок. Первым делом я бросилась к двери – она оказалась заперта. Никакого звонка, никакого кольца, которым можно было бы стучать, не было. Ни одно из окон не светилось. Все-таки постучать кулаком? Но, скорее всего, в доме никого нет, а стук может разнестись по окрестностям... А если в доме никого нет, это лучше для меня. Воспользуюсь им! Конечно, если удастся проникнуть внутрь.

Я обежала дом, чтобы он по крайней мере закрывал меня от тех, кто приблизится по подъездной дорожке, увидела, что с другой стороны возвышаются неубранные сугробы, и предпочла нырнуть за сугроб. Тем более что звук работающего двигателя приближался... Мне срочно нужно попасть внутрь! Срочно!

Раздвигая телом сугробы, подобно ледоколу в каком-нибудь северном море, я стала продвигаться к окнам и пробовать каждое. Третье поддалось. Явно не наши люди тут живут! Наши не были бы столь беспечны.

Без особого труда я вошла в кухню. Может, ее проветривали, выпускали дым и не закрыли окно плотно? Спасибо большое!

В кухне было пусто, на большой плите ничего не готовилось. Вообще никаких продуктов ни на каких поверхностях не стояло. Пыль, правда, тоже отсутствовала. Я бросила взгляд на огромный холодильник-шкаф, подошла, открыла дверцу, заглянула внутрь. Запасы продуктов имелись, но не могу сказать, что внушительные.

Я проверила, чтобы окно было плотно закрыто, и отправилась на исследование дома. Везде было чисто, но я не смогла определить, живут в доме сейчас или не живут. Для этого, наверное, требовалось осмотреть все шкафы и все комнаты, но я пока оставалась на первом этаже и даже не поднималась на второй. По крайней мере никаких курток, шуб, пуховиков или какой-то другой верхней одежды здесь нигде не висело. Никакой обуви под вешалкой или просто у входной двери не стояло. Обследовать второй этаж?

Пока я раздумывала, откуда-то снизу раздался непонятный мне звук. Вроде как чем-то бросались в стену. Еще раз и еще. Я замерла на месте. За непонятными звуками последовала тирада гневным голосом, правда, звучавшая приглушенно. Слов я не разобрала. Затем все смолкло.

Я стояла и не шевелилась. Что это было? Кто выражал недовольство? Или в этом замке тоже кто-то заперт? Еще кого-то, как меня, хотят продать или обменять на что-то? Но голос был однозначно мужским.

Хотя держать в заложниках могут и мужчину. И не в комфортных условиях, как предлагали мне. Что же происходит на этом курорте? Кто-то решил сделать деньги на наших гражданах? Или кто-то так оригинальничает?

Я решила проверить. Если человека все-таки держат в заложниках и я его освобожу, то получу союзника. А союзник и помощник мне просто необходим! И, конечно, хотелось бы знать, что происходит. Зачем меня захватил этот Василий? Какие поблажки и льготы ему нужны? Что ему было на самом деле нужно? От кого?

Для начала я осмотрела коридор. В нем не было окон, и можно было спокойно зажигать свет, не опасаясь, что его увидят с дороги. Никакого входа в подвал я не нашла. Вернулась в кухню, окна которой выходили на противоположную от подъездной дороги сторону, осмотрела пол там. Опять безрезультатно. Тогда я отправилась на изучение пола в комнатах, выходивших на ту же сторону, что и кухня. Они были явно нежилыми. Но и вход в подвал отсутствовал!

Оставался один большой зал, в который я только заглянула при первоначальном осмотре. Он явно предназначался для приема гостей и занимал площадь, равную трем нежилым комнаткам и кухне. Вход в этом доме располагался в торце, от него шел коридор, по правой стороне которого и находился зал, а по левую – три комнаты и кухня. Но окна зала выходили на подъездную дорожку и вполне могли просматриваться с основной, с которой я свернула сюда. То есть свет лучше бы не включать...

Но где взять фонарик? Хотя снег был белый, и нельзя сказать, что в зале стояла кромешная тьма. Я решила для начала попробовать осмотреть пол без электрического света.

И преуспела.

Каменная плита с кольцом посередине явно служила крышкой люка. Она оказалась в углу, за статуей какого-то рыцаря. То есть это была даже не статуя, а доспехи без рыцаря. Вот только смогу ли я открыть люк?

Я отодвинула «рыцаря», который оказался легким, дернула за кольцо – и довольно легко подняла плиту. Камень был бутафорским, хотя все остальные плиты в полу – настоящими.

Из подземелья тут же послышался русский мат, сопровождаемый словами на каком-то неизвестном мне языке. Человек был очень возмущен.

– Простите, пожалуйста, вы говорите по-русски? – спросила я, врываясь в поток непонятной мне речи, потом на английском спросила, говорит ли господин на этом языке. Владимир Станиславович заставлял меня учить английский. Спасибо ему!

Господин говорил на обоих.

– Ты кто? – спросил он на русском с акцентом.

– Катя Левченко, – честно ответила я.

– Вызvoli меня отсюда, о несравненная Катя Левченко! – воскликнул мужчина. – Озолочу!

– А вы кто? – уточнила я.

– Абдулла... – за первым словом последовало очень длинное имя, которое я повторить просто не в состоянии. Я только поняла, что Абдулла – какой-то шейх. Правда, жизнь в гареме никогда не была моей мечтой. Если судьба подкинула мне этого кандидата в мужа, то я попрошу ее еще поработать. Я не поеду на Восток.

Но шейх Абдулла вполне мог оказаться ценным помощником и союзником.

– Здесь есть какая-нибудь лестница? – спросила я у Абдуллы.

– А мне откуда знать, о несравненная Катя Левченко? В подzemелье нет. Ищи в доме. Или веревку ищи. Хотя ты меня не вытащишь. Я вешу больше ста килограммов. Если найдешь крепкую веревку, подумай, за что ее закрепить.

– А если я вам вниз стул спущу? – предложила я. – Если вы на него встанете, вы дотянетесь до края лаза?

Я не могла оценить глубину подzemелья. Свет в зале я так и не включила, фонарик и даже свечи отсутствовали. В подzemелье тоже никакого освещения не имелось.

– Тащи, – велел Абдулла. – Попробуем.

Стул, которых в зале было немало, в дыру не прошел. Мешала спинка. Она была отклонена назад и из-за этого не проходила. Вот если ее отломать...

– Инструмент есть какой-нибудь в доме? – спросил Абдулла.

Я пока ничего не видела, к тому же никогда в жизни топор в руках не держала. Но в кухне вроде бы были табуретки... Точно были! Я сказала об этом шейху, сбегала в кухню, вернулась с табуреткой и вставила ее в дыру. Но подzemелье оказалось глубоким! Табуретку пришлось сбрасывать.

– Ищи веревку или лестницу, – велел Абдулла. – И сбрось мне чего-нибудь поесть.

Я вернулась в кухню, достала из холодильника упаковку ветчины-нарезки, взяла из шкафа галеты, так как хлеб отсутствовал, опять вернулась в зал и сбросила все это Абдулле. После этого принялась за поиски веревки, инструмента, фонарика, свечей, чего-нибудь, что могло помочь!

Подумав, вышла на улицу через главный вход – и увидела въезд в гараж. Гараж был подzemный и занимал часть подzemелья, только дверь была закрыта на электронный замок...

Но если есть подземный гараж, то из него наверняка должен быть выход в дом. Или нет? Я вернулась и поделилась соображениями с Абдуллой. Пленник сказал, что размер подземелья от стены до стены составляет восемь шагов. Я бросила взгляд на зал. Точно больше! Но, может, все-таки нет выхода из гаража в дом? Хозяева ставят автомобиль, выходят на улицу и сразу же заходят в дверь дома?

В любом случае мне было нечем сломать дверь гаража, да и не факт, что в этом гараже хранится набор инструментов. Мы не в России. Правда, я пока не успела сходить на второй этаж...

Я предупредила Абдуллу, что направляюсь на исследование верхних комнат в надежде что-то найти. Он просил поторопиться.

– А вас сколько раз в день кормят? – уточнила я.

– Два, – ответил он. – Слушай, я тебе потом все расскажу. Только вытаски меня отсюда!

– Но если два, то...

– Сегодня второй раз уже кормили. Она сказала, что придет поздно и...

– Она?!

– Ищи веревку!!!

Я побежала вверх. Второй этаж показался мне странным, то есть не весь этаж, а одна комната. В ней все было затянуто черной материей, стояло множество свечей (что меня очень порадовало). Я мгновенно зажгла одну из них (коробок спичек лежал у меня в кармане пуховика, прихваченный из гостиничного номера) и осмотрелась повнимательнее. Кругом стояли какие-то старинные чаши, кубки, кальян, лежали раскрытые древние книги на неизвестных мне языках...

«Да это же комната ведьмы!» – поняла я.

Из одной чаши торчали черные перья. Я подошла поближе. Да тут же черной магией занимаются! Хорошо хоть использовали черного петуха, а не невинного младенца. Хотя кто их знает... И зачем этой ведьме Абдулла? Для проведения какого-то ритуала? Да, нужно побыстрее сматываться.

Три спальни оказались современными, с отдельными санузлами. В следующем помещении я впала в ступор. Мебель отсутствовала. Только с потолка свисал крюк, с него – толстая веревка с петлей внизу. И табуретка имелась. К счастью, висельники отсутствовали.

Я быстренько вскочила на табуретку, отвязала веревку от крюка и побежала вниз, не обследовав последнюю комнату. Главное – вытащить из подземелья Абдуллу.

Мне пришлось подвинуть к лазу обеденный стол, что оказалось не такой уж легкой, но посильной задачей, я привязала веревку к ножке и сбросила вниз. Абдулла сказал, что дотягивается до нее с табуретки. Чтобы стол не двигался, мне пришлось на него сесть.

Абдулла приложил усилия – и вскоре выбрался из подземелья. Мы устали друг на друга в пламени свечи.

– А ты красивая, Катя Левченко, – сказал мужчина.

Это был араб в европейской одежде, возраст которого я определить не смогла. Потом он сам сказал, что ему тридцать пять лет. Выглядел несколько потрепанно, что было неудивительно после двух дней в подzemелье. Костюм и явно дорогое зимнее пальто помялись.

– Там очень холодно? – спросила я, кивая вниз.

– Очень, – кивнул Абдулла. – У меня было три одеяла, то есть вначале два, потом она мне третье сбросила, я много ходил, делал упражнения, но все равно замерзал...

– И кровать была?

– Диван. И ведро. Все. Больше ничего не было. Слушай, давай уходить отсюда!

– Дом не хотите осмотреть? – предложила я и быстро поведала про комнату ведьмы и комнату с крюком.

Абдулла на мгновение задумался, потом вместе со мной поднялся наверх. В процессе осмотра я рассказала ему, как меня взяли в заложницы сегодня вечером и как я сбежала. Также предупредила, что меня до сих пор могут искать по окрестностям.

– Что-нибудь придумаем, – буркнул себе под нос Абдулла.

Последняя комната на втором этаже, в которую я не успела заглянуть, оказалась заперта. Абдулла долго не раздумывал, навалился плечом на дверь, дверь затрещала, Абдулла отошел на три шага, потом с разбега врезал по замку – и мы очутились в помещении, которое я назвала бы чем-то средним между гардеробной и складом.

Но наряды оказались весьма специфическими – серебристый плащ, золотистый плащ, черный плащ с какими-то непонятными мне знаками... были и старинные наряды, то есть скорее платья, пошитые по фасонам девятнадцатого века. Или на самом деле сохранились с тех времен? На комоде стояли старинные подсвечники, несколько чаш, подобных тем, которые мы видели в «колдовской» комнате, в углу наше внимание привлек посох с набалдашником в виде совиной головы.

– Будем все осматривать? – посмотрела я на Абдуллу.

В ответ он открыл шкаф, в который мы еще не заглядывали. В глаза бросились баночки и колбочки с заспиртованными лягушками, мышами, змеями, кузнечиками, крупными пауками и прочими тварями, названия которых я не знала. Также стояли банки с какими-то сушеными травами, темные бутылки с настойками.

Абдулла буркнул себе под нос что-то на родном языке, дверцу шкафа закрыл и предложил побыстрее покинуть нехорошее место.

Мы вышли из дома через дверь, которую оставили незапертой. Ключа у нас в любом случае не было. Изнутри она легко открывалась (что проделала еще я), но при захлопывании замок не срабатывал. Правда, я сомневалась, что сюда в ближайшее время пожалуют воров. К тому же на месте воров я не стала бы ничего брать из этого странного места. Возможно, эти подсвечники и чаши и стоят немалых денег, но, раз они использовались в ритуалах черной магии, к ним лучше не прикасаться. Ничего, кроме несчастий, они принести не могут.

– Где мы находимся? – спросил Абдулла на улице, оглядываясь вокруг.

Вид вниз с горы закрывал дом, который мы только что покинули, а впереди пролегала дорога, ведущая на основную колею. Кое-где на склонах мы видели другие дома.

Я не могла ответить точно, только сказала, что от замка, где держали меня, вниз вела одна дорога, по которой я и побежала, а потом свернула на эту. В любом случае на такси или муниципальный автобус рассчитывать не приходилось. Придется идти пешком – пока не придем к людям. Заходить в гости было уже поздно – в два часа ночи нормальные люди уже спят, хотя мои сограждане вполне могли еще пьянствовать и петь в каких-то барах и ресторанах. Но где эти бары и рестораны?! Где мои пьяные, блюющие соотечественники? В особенности соскучившиеся по драке... Направить бы их в гости к Василию за то, что против воли выкрал русскую девушку...

Стояла тишина, никакой звук работающего двигателя ее не нарушал, никаких голосов я не слышала. Подмораживало, на черном небе сияли звезды. Казалось, что от белого снега исходит свечение. Фонари отсутствовали, но снега и звезд хватало, чтобы видеть дорогу.

Мы тронулись к основной колее, потом быстрым шагом пошли по ней вниз. От нее то и дело отходили дорожки к домам разного размера и формы. Кое-где светились огоньки, но большинство было погружено во мрак. Пока мы не рисковали никуда заходить.

– Ты где остановилась? – спросил Абдулла.

Я назвала гостиницу. Он, по его словам, снял люкс на верхнем этаже самого дорогого отеля, где его должны сейчас ждать жены (в количестве трех). Жены

должны сходить с ума, так как муж-повелитель отсутствует уже два дня.

– У них деньги на еду есть? – с беспокойством спросила я.

Мой вопрос вызвал смех у шейха.

– Я серьезно.

– Они могут заказать в номер все, что угодно, – пояснил Абдулла. – И моя третья жена – американка. Я думаю, что она должна была уже подключить к моим поискам полицию, старшие жены – арабки – должны были позвонить моему отцу, а он, в свою очередь, прислать людей...

Абдулла стал объяснять, что его отец тоже шейх, потом мне показалось, что только он и шейх, а Абдулла – лишь сын шейха и будущий шейх. В общем, я запуталась, но не стала из-за этого напрягаться. Какое мне дело? Замуж за восточного мужчину я точно не собиралась, да и вариант четвертой жены для меня был совершенно неприемлемым, пусть он хоть трижды шейх и дважды король с десятком нефтяных скважин.

Оказалось, что Абдулла – строитель. Компания, принадлежащая их семье, называлась «Игл Констракшн», и Абдулла спросил, не видела ли я их известный по всему миру логотип – орла (по-английски орел – eagle) в круге. Я покачала головой. Компания занимается строительством спа-центров по всему миру. Иногда они сдают курорты под ключ, но в основном работают с партнерами и соинвесторами и берут на себя только возведение спа-отелей.

– А здесь вы уже что-нибудь построили? – поинтересовалась я.

– Нет! Я приехал на переговоры, но не попал на них, потому что меня выкрали! Для делового человека, для репутации нашей фирмы это немыслимо. Я не пришел на переговоры и не позвонил! Что обо мне подумают партнеры?!

– Но ведь у вас есть уважительная причина, – заметила я. – В особенности если сейчас полиция занимается вашими поисками...

– О несравненная Катя Левченко, ты подтвердишь, где меня нашла?!

– Конечно, – ответила я. – А с кем должны были состояться переговоры?

Оказалось – с моим бывшим сожителем Владимиром Станиславовичем Сирым. Я пояснила, в каких мы отношениях. Абдулла задумался.

– Он тебе не поверит?

– Не знаю. Но он должен поверить вам. В любом случае мы пойдем к нему вместе, и я расскажу, как выкрали меня. Может, он знает этого Василия.

Абдулла попросил подробно рассказать ему, как выкрали меня. Выяснилось, что наши похитители действовали практически одинаково и, скорее всего, это были одни и те же люди. Абдулле тоже сделали укол, когда он вышел прогуляться, очнулся он в подzemелье. Крышку открывала женщина, которую он не смог рассмотреть. Она же сбрасывала ему еду и воду в бутылках. Еда и вода всегда были холодными. Он просил накормить его теплой пищей, но женщина только смеялась в ответ и говорила: «Горячее питание не предусмотрено». Но еды на самом деле было много. Его не собирались морить голодом. Сегодня вечером она накормила его раньше обычного и пояснила, что уходит, возможно, надолго. Потом появилась я.

Я сказала, что услышала непонятные звуки, идущие из-под пола. Абдулла ответил, что периодически бросался пустыми бутылками в стену, таким образом выпуская пар. Заодно согревался.

– Интересно, зачем мы им понадобились, о несравненная Катя Левченко?! – задумчиво произнес Абдулла, не уточняя, кого имел в виду под местоимением «им».

– За меня хотели что-то получить. Наверное, и за вас тоже, – пожала плечами я. – Ведь вы явно не бедный человек, и ваш папа не бедный.

– Я предлагал заплатить! Она отказалась! Она только смеялась в ответ на мое предложение выкупить себя самого! Или позвонить моему папе-шейху! Она ничего не объясняла, ничего не говорила! Меня держали в подzemелье без объяснений! Меня прихватили в день приезда!

«Как и меня», – подумала я. Но если мной мог интересоваться какой-то мужчина, о чем каким-то образом стало известно похитителям, то ведь, наверное, никакая женщина не пойдет на уступки ради Абдуллы. Навряд ли какая-то бизнес-леди мечтает стать его четвертой женой. Скорее всего, дело в его бизнесе. Его хотели «помариновать» в подземелье, чтобы скорее согласился на предложение – когда его ему сделают.

– Кстати, а откуда вы так хорошо знаете русский язык?

– Одна из жен моего отца – русская. Отец велел ей обучать меня русскому языку, так как считал сотрудничество с представителями вашей страны перспективным направлением.

– Вы что-то построили в России?

– Пока нет. Но мы работаем с русскими соинвесторами в третьих странах. Твои соотечественники, о несравненная Катя Левченко, вкладывают деньги в недвижимость в разных странах, что правильно. Наша семья тоже вкладывает.

– А в нефтяные скважины?

Абдулла искренне рассмеялся.

– Раз шейх, значит, должны быть нефтяные скважины? Нет, мы строители. Скважин на всех не хватает, даже в самых богатых нефтяных странах. И надо же кому-то заниматься другими видами бизнеса? Строительный бизнес тоже приносит хорошую прибыль, а компания нашей семьи известна во всем мире.

– И Владимир Станиславович хотел, чтобы вы построили здесь спа-отель?

Абдулла кивнул.

– Вы с ним когда-нибудь встречались лично?

– Да, в Швейцарии, в Англии. А тут он с партнерами пригласил меня с женами посмотреть курорт, который они отстроили, и обговорить условия возведения нашей компанией спа-отеля к началу следующего сезона. Я также предлагал

построить закрытый аквапарк, но русские отказались. Это горнолыжный курорт, и в любом случае для аквапарка нет места. А в жарких странах наша компания обычно возводит аквапарк рядом с отелем, а также готовит поле для игры в гольф, строит рестораны. Но спа-отель – это всегда самый дорогой проект.

– Во сколько обходится его строительство? – полюбопытствовала я.

– Наш обычный проект – шестьдесят пять миллионов евро. А весь комплекс, в смысле с аквапарком, полем, ресторанами, – около ста миллионов евро. Конечно, возможны варианты. Сделаем все, что нужно заказчику.

Абдулла улыбнулся.

– Ой, несравненная Катя Левченко! – вдруг воскликнул он. – А тебе оставили мобильный телефон? Мой отобрали.

Я заглянула в сумочку. Про телефон я как-то забыла. Трубка была на месте, но сигнал отсутствовал. Наверное, горы мешали. Хотя в гостинице мобильный работал. Может, внизу стоит мощное оборудование?

– Ну что ж, нужно побыстрее добираться до людей, – вздохнул Абдулла.

Глава 8

Мы сделали остановку на площадке, которая, наверное, считалась смотровой, подошли к ограждению и посмотрели вниз.

– Похоже, что там внизу – наш курорт, – задумчиво сказал Абдулла. – К сожалению, они уже выключили освещение...

Конечно, какие-то фонари внизу горели, но тут явно сэкономили электричество, и той подсветки, которую я сама видела при выходе из гостиницы с Ларисой, уже не было. Но я тоже считала, что мы смотрим на тот курорт, где поселилась я. Пять отелей, два из них – «точечные», озеро... Ну не может же здесь быть двух совершенно одинаковых курортов? Да и нас с Абдуллой навряд ли увезли

далеко. В особенности раз в домах и замках на горе можно так легко спрятать и насильно удерживать человека. В них заложника никто не найдет. У полиции должны быть очень веские основания для того, чтобы войти в дом. Конечно, наши люди часто действуют своими методами (мы и в Европе через окно лезли, как я сама в дом, где нашла Абдуллу), но кто бы вообще стал меня искать? Лариса? В лучшем случае – к концу поездки. Лариса явно решила бы, что я нашла какого-то мужика и мне не до нее. И сама Лариса сейчас проводит время с бизнесменом Николаем. Когда я их покидала, они ворковали, как голубки. Конечно, Абдуллу ищут. У него три жены, одна из них – американка, он приехал сюда по делу и должен был прийти на деловую встречу. Его исчезновение уже должно было заинтересовать и взволновать Владимира Станиславовича с партнерами. Ведь они являлись приглашающей стороной. Могли позвонить в гостиницу, поговорить с женами... Да тут уже вполне могут работать представители Интерпола!

– А вашим женам можно разговаривать с чужими мужчинами? – спросила я.

Абдулла рассмеялся.

– Конечно! Я же современный человек. И Рейчел – американка – выполняет функции моего секретаря. Она знает всех деловых партнеров, в курсе всех заключаемых сделок и работы по действующим контрактам. Да она лучше меня тебе скажет, на каком этапе сейчас находится строительство каждого из наших объектов! Она раньше работала в фирме двоюродного брата. Он тоже строитель. Мы так и познакомились. У нашей семьи с ее семьей был совместный проект. И Рейчел к тому же всегда интересовалась Востоком. В общем, она согласилась стать моей третьей женой. У нас дома она ходит в восточной одежде, как все женщины нашей семьи, хотя и работает в офисе, а когда мы выезжаем на Запад, одевается на западный манер. Я не возражаю. Отец делает вид, что ничего не знает. Другие члены нашей семьи на самом деле не знают – кроме двух моих других жен.

– Где вы сами учились?

– В Лондоне. Где учится большинство детей арабских шейхов. – Абдулла улыбнулся. – Да и детей ваших нуворишей там тоже много учится. Но есть отличие. Наши на самом деле учатся. Конечно, есть исключения, но это единицы, и семья быстро находит рычаги давления или просто забирает домой. У ваших наоборот. По-настоящему учатся единицы из детей богатых отцов. Ваши

прожигают жизнь и состояния родителей, наши готовятся к тому, чтобы состояния приумножить. Да и распространенное мнение о том, что все арабы богатые, – миф. У нас большие семьи. Основной массе приходится рассчитывать только на себя, на свои знания и умения, хотя семья всегда поможет. Но у нее часто нет такой возможности! Поэтому к образованию относятся серьезно.

Я призналась, что сама читала о гулянках молодых богатых арабов в Лондоне.

– И это есть. И я расслаблялся – с доступными женщинами. У нас-то с этим строго. Тоже, наверное, читала? – Абдулла улыбнулся. – Но по возвращении домой мы все становимся почтительными и послушными сыновьями. Никаких оргий с женщинами и алкоголем.

«И сейчас ты – современный западный мужчина, а не араб с тремя женами», – подумала я, правда, вслух ничего не сказала.

– Ну что, о несравненная Катя Левченко, пойдем дальше? – спросил Абдулла.

Я кивнула, потом замерла на месте. А мне ведь, наверное, опасно возвращаться в гостиницу. Василий и компания явно способны проникнуть в мой номер без ключа и... Если только забаррикадироваться. Подвину мебель, если полезут – проснусь и заору. Но прибежит ли кто-то на помощь?

– О чем задумалась, о несравненная Катя Левченко?

Я поделилась печальными мыслями.

– Ты думаешь в правильном направлении, – одобрил Абдулла. – Я как раз хотел предложить тебе переселиться в мой номер. Места у меня много, твои вещи перевезут завтра утром. Я отдам распоряжение.

– Но как я буду жить в вашем номере?!

Абдулла уточнил, на каких условиях я приехала на этот курорт. Что у меня оплачено? Кто платил? На что я рассчитывала?

Я честно все рассказала и тут вспомнила слова Василия. Этот тип заявил, что это он, а не Владимир Станиславович оплатил мне билет и ваучер!

– Тем более тебе следует переселиться ко мне, – с самым серьезным видом заявил Абдулла. – До выяснения обстановки. Сирому ты сама задашь соответствующие вопросы. Может, он знает, кто такой Василий. Я, конечно, это сам выясню в ближайшее время, но твой Владимир может знать больше уже сейчас. И может знать, почему тебя прихватили подручные Василия. Но вначале и ты, и я должны как следует выспаться, чтобы хорошо соображать, плотно покушать, привести себя в порядок... А мой номер охраняется.

– Кем? Вы же, кажется, говорили...

– Я живу в самом дорогом отеле из всех, которые здесь есть. В самом лучшем, самом большом номере, на верхнем этаже, с отдельным входом. Отель дорожит своей репутацией. Там очень хорошая служба безопасности. Мимо охранников мышь не проскочит! То есть нас никто не будет беспокоить. И я попрошу одного из охранников забрать твои вещи. Если хочешь – можешь вместе с ним сходить завтра. Но лучше тебе не ходить. Не исключено, что уже приехали люди, присланные моим папой. Тогда они сходят.

– Но почему вы приехали без телохранителей?

– Потому что я – не русский и приехал не в Россию, а в тихую европейскую страну. И для понтов мне не нужны человекообразные горы мышц. Твои соотечественники в Европе тоже не выпендриваются так, как в России. Здесь никого не впечатляют молодцы, идущие «свиньей». Как раз наоборот, вызывают отрицательные эмоции и могут помешать ведению бизнеса. Зачем партнер, которого в любой момент могут убить? Ведь при взгляде на такую охрану как раз возникает мысль, что человек очень серьезно опасается за свою жизнь. Значит, есть основания. Значит, с ним опасно и ненадежно иметь дела. Я бы лично поостерегся. Знаю случай, когда одному русскому отказали немцы из-за того, что за ним по Европе носились две женщины, которые его никак не могли поделить.

– А что тут такого? – не поняла я. – Это же его личная жизнь. На Западе не принято лезть в чужую личную жизнь.

– Но не стоит иметь дело с партнером, которого пытаются убить две брошенные женщины.

– Они его убить хотели?! Зачем?!

– Чтобы второй не достался. Каждая по отдельности поняла, что ей ничего не светит, ну и приняла решение – так не доставайся же ты никому.

Я рассмеялась. Это было как раз в стиле наших женщин. Немка, конечно, не стала бы гоняться за бросившим ее мужиком по Европе. Хотя на курорт, где собрались в основном русские (или только русские – я пока точно не знала), арабскому шейху следовало бы привезти охрану.

Внезапно впереди замаячила фигура одинокого путника. Он шел вверх и явно жалел, что на дорожке нет никаких перил. Они бы ему не помешали – его сильно штормило.

– Это еще кто такой? – пробурчал себе под нос Абдулла.

– Человек возвращается домой после бурно проведенного вечера, – пожала плечами я.

Мужчина был в «аляске», черных джинсах и снегоступах. На джинсах и «аляске» кое-где прилип снег – он явно несколько раз упал по пути наверх. При виде нас путник остановился, слегка покачиваясь и пытаясь сфокусироваться, потом снял с головы кепку с ушками, попытался изобразить поклон, чуть не упал, сильно зашатался, потом изрек:

– Дэ-дэ-добрый вечер!

Мы с Абдуллой тоже вежливо поздоровались.

– Вас двое? – уточнил одинокий путник. У него что, в глазах двоится и он не исключает, что нас с Абдуллой четверо? – То есть нас получается как раз трое, – продолжал мужчина. – Господа, я приглашаю вас в свой дом. Мы разделим бутылку коньяка на троих. Я не могу пить один. Мне нужна компания. Ваше общество мне нравится. Пойдемте!

Где-то внизу слышался шум двигателя.

– О, леди, а это не вас случайно разыскивают по окрестностям ваши друзья? – с хитрой улыбкой посмотрел на меня пьяный.

Я напряглась. Абдулла взял меня под локоток и легонько его сжал. Что он хочет этим сказать? Про его исчезновение из подземелья, как я подозревала, еще никто не знает. Или знает?

– Леди, джентльмен, вас в моем доме не будет искать никто. Вы же хотели уединиться? Я предоставлю вам такую возможность, только выпейте со мной коньяка!

– Пошли, – принял решение Абдулла. – И побыстрее. Катя, бери его под левую руку, а я встану справа. Куда идти, друг? Здесь далеко?

– Уже нет. Но с вашей помощью мне будет легче преодолеть последние метры. Вон домик справа. Мой.

Шум двигателя приближался. Мы с Абдуллой припустили к указанному домику, таща за собой путника. Отдать должное, он смог довольно резво перебирать ногами, и мы оказались внутри за секунду до того, как какая-то машина проехала мимо подъездной дорожки по основной колее. Нас не заметили – кто бы это ни был.

– Почему вы не запираете дверь в дом? – спросила я, хотя и радовалась, что нам не пришлось возиться с замком. На это ушли бы дополнительные секунды – даже если бы путник сразу нашел ключ.

– Я знаю, что не смогу ее вечером открыть, – сказал мужчина. – Чувствуйте себя как дома. Каминный зал прямо.

Этот домик значительно уступал размерами двум предыдущим, в которых мне довелось побывать сегодня вечером. Но гостиная с камином оказалась очень уютной и явно жилой.

– Чиркните спичкой, – попросил хозяин дома, делая широкий жест в сторону камина. Сам он направился к бару.

– А кофе можно выпить? – спросил Абдулла.

– Сварите сами. Кухня там, – хозяин кивнул в нужном направлении.

Абдулла посмотрел на меня. Я удалилась в кухню, оставив в гостиной пуховик и шапочку с сумкой. В кухне было чистенько, вся посуда – очень аккуратно расставлена. Ею явно пользовались. В холодильнике стояла кастрюля с кислыми щами! Я сварила кофе, разлила по трем чашкам, поставила на поднос, добавила сахарницу и одноразовые крохотные емкости с молоком. Когда я вернулась в гостиную, хозяин уже сладко спал в кресле. Абдулла выпил кофе за двоих.

– Я думаю, что для нас с тобой безопаснее сегодня переночевать здесь, – тихо сказал араб. – До моей гостиницы мы можем не дойти, раз эти продолжают рыскать по окрестностям. По домам они навряд ли пойдут. В них живут не только русские, и хозяева сразу же вызовут полицию, если заметят, как к ним кто-то лезет. И обыскать все дома в округе нереально. Тебя должны ждать в гостинице. Меня – скорее перед гостиницей. Но этот вопрос я решу завтра. Давай посмотрим, что тут за комнаты.

Мы отправились на исследование небольшого двухэтажного домика. На первом этаже, кроме гостиной и кухни, оказалась сушилка (предположительно для спортивных вещей) и кладовка, где стояли несколько пар лыж и палок, а также стиральная машина. На втором этаже было три спальни и один большой совмещенный санузел. В одной из спален на кровати спала девушка, не проснувшаяся, когда мы заглядывали внутрь. Правда, мы свет в комнате не включали.

– Может, отнести мужчину наверх? – задумчиво произнес Абдулла.

Я сказала, что лучше оставить хозяина там, где заснул. Зачем еще беспокоить девушку? Только я бы сняла с него сапоги. Абдулла кивнул, сказал, что устроится в самой дальней от санузла спальне, мне предложил занять соседнюю. Девушка спала в ближайшей.

Я спустилась вниз, сняла с мужика снегоступы, отыскала в коридоре тапочки, подсунула под ноги. В каминном зале стало тепло. Камин не опасно оставлять? Или огонь сам погаснет после того, как все дрова прогорят? Наверное, погаснет. Мужик сам снял куртку, которая валялась на соседнем кресле. Я отнесла ее на вешалку в небольшом холле, куда повесила и свой пуховик. Снять с него свитер? Я решила, что если станет жарко, мужик проснется и сам разделенется. Я только принесла ему из кухни бутылку воды и поставила на журнальный столик. После этого я отправилась вверх в спальню, быстро разделась, забралась под пуховое одеяло и сразу же заснула.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Чаршаф – род чадры – длинное черное покрывало, закрывающее голову, часть лица и скрывающее очертания фигуры. Паранджа – халат с ложными рукавами, покрывающий женщину с головой. Носится с чачваном – черной густой сеткой из конского волоса, закрывающей лицо. (Прим. автора.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/zhukova-gladkova_mariya/bol-shie-devochki-ne-plachut

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)